

тагам Лузина

Бесы с Владимирской горки

Киевские ведьмы

Новая книга
инфернальной г-жи Лузиной
посвящена г-ду Достоевскому
и его излюбленной теме — бесам.

БЕСЫ

бесчисленны — имя им легион.

Бесы невидимы.

Бесы повсюду. С бесом под сердцем

может ходить по миру любой.

Бес может стать даже тобой!

**ЗАКАЗЧИКЪ НИЧѢМЪ
НЕ РИСКУЕТЪ**

НОВОСТЬ

Вот новость!
Дама Холера посети-
ла одного
из монахов-затвор-
ников Киево-Печер-
ской Лавры и объя-
вила ему, что имеет
намерение покинуть
град Киев в самое
ближайшее
время!

Прекрасная предприни-
мательница
г-жа Дображанская подозре-
вает
в преступлении
картину
Черного Монаха

Путешественница
Мария Ковалева от-
правляется на поиски
утерянной главы ки-
евского князя Влади-
мира Великого —
крестителя
Руси!

Лада Лузина
Бесы с Владимирской горки
Серия «Киевские ведьмы», книга 10
Серия «Ретророман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57484664

Бесы с Владимирской горки / Лада Лузина: Фолио; Харьков; 2020

ISBN 978-966-03-9077-5

Аннотация

Может ли ведьма повстречать свою истинную любовь? Да, приворожить она может любого. Но ведь это любовь – не настоящая! Издавна покровительницей любви и брака в Киеве считалась святая Варвара. Но стоит ли ведьме отправляться за помощью к святой? Ведь Варвара известна как гонительницей нечисти и черной смерти. И не зря Михайловский монастырь, где столетия хранились мощи святой – стоит в Киеве на Лысой горе (Владимирской горке), где по легендам обитают ведьмы, черти и бесы.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	6
Михайловский монастырь, 1870-е гг	32
Глава вторая,	45
Михайловский монастырь, 1870-е гг	74
Глава третья,	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Лада Лузина

Бесы с Владимирской горки

© Л. Лузина, 2020

© О. Гугалова-Мешкова, художественное
оформление, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

Часть первая

Три молодые киевлянки неожиданно принимают от умирающей ведьмы ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и безбашенная певица – Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная.

По воле или против неё, им пришлось стать Киевицами – хранительницами Города Киева, и каждую ночь дежурить на Старокиевской горе в ожидании удивительных или ужасных событий...

Глава первая, в которой все говорят о любви

Муж вводит в гугл: «Как распознать жену-ведьму?».

И тут недовольный голос с кухни:

– А прямо спросить, никак?...

Анекдот

Пролетая над Киевом

21 октября

В туманно-осеннюю погоду особенно приятно выпить в компании особенных старых друзей. Хотя среди друзей сегодня обнаружилась недостача – один из четверых недавно женился, не пришел, и его поступок трое оставшихся в холостяках принимали по-разному.

Первый – поощрительно

Второй – как удачный повод для шуток.

Третий – с брюзжанием, которое он и сам окрестил «уже старческим».

– ...Да она моложе его на двадцать лет! Ну, допустим, она на самом деле не такая, как все – невинная и наивная. Еще хуже. Ты ж нашего Юрика знаешь... Поживешь с ним – от невинности и наивности быстро избавишься. А не избавишься – еще хуже. Значит, она полная дура!

Свой «старческий» монолог третий – Топов Виктор Владимирович заканчивал уже выходя на улицу.

– Вот почему я больше никогда не женюсь... Хватило мне этой дури по молодости. А сейчас я и так любую могу получить. А в сказки не верю. Особенно в сказки о Золушке. Она теряет туфельку, он поднимает туфляр и теряет голову... ой, вот она лучшая девушка в мире! Так не бывает, – сказал он, невольно изгибаясь и уворачиваясь от летящего сверху предмета.

Павший прямо с неба предмет с громким стуком приземлился на асфальте прямо у ног Топова.

Прямо перед ним лежала усеянная стразами серебристая женская туфелька с пряжкой в виде крохотной лиры.

Секунду царило гробовое молчание.

Затем два его приятеля заржали навзрыд, с хрипом, повизгиванием, хватаясь за бока.

– Вы? Как вы это подстроили?! – недоуменно обвинил их Топов.

– Как? – переспросил один из них, с трудом преодолевая безудержный смех. – Ну как мы могли это подстроить? Это знак тебе...

– Кто тебя тянул за язык поминать Золушку к ночи? Откуда мы могли знать, что ты вспомнишь ее? – надбавил третий.

– Так тебе и надо... – просипел второй. – Вот и ищи теперь свою Синдереллу!

И нанимать глашатаев и рассылать их по Городу не было нужды. На драгоценной туфельке ручной работы сияли новенькие золотистые буквицы известного модельера:

Анжей Данин – для Екатерины Дображанской.

17 декабря

В Киеве можно увидеть всякое. Даже то, что бывает лишь в сказке. Например, увидеть Снегурочку, сидящую прямо на

зимней Старокиевской горе – на каменной лестнице Музея истории Украины.

Прогуливаясь по безлюдной Пейзажной аллее, между маленьким принцем, мозаичным чеширским котом, безумным зайцем и ангелом на подушках, Сергей понимал, что сегодня самый кошмарный вечер в его жизни.

Кошмарный, мразостный, подлый!

«Прости, я люблю Яна. Мы должны расстаться. Не звони мне больше, пожалуйста. Постарайся меня понять».

Нужно было брать с собой бутылку – фляги мало.

Сергей вышел к Старокиевской горе и Музею Истории Украины, поставил ногу на ограду в виде черных цепей. Вспомнил, как Алла смеялась, пытаясь пройти по этой цепи как по канату, хватала его за руку, падала, он ловил ее, и они целовались на глазах у всех.

И как совместить это с...

«Прости, я люблю Яна. Мы должны расстаться».

«Постарайся меня понять»

Как, б..., это понять?

А потом Сергей заметил ее. Девушка в голубом пуховике с капюшоном, отороченным белым мехом, сидела на ступенях Музея так, будто совершенно не чувствовала зимнего холода. И даже пуховик, и белые меховые сапожки, и голубые брючки в тон куртки, а, может, и скрытое под ними термобелье не могли объяснить подобную безмятежность.

Потому Сергей и подошел к ней:

– Простите, вы не замерзли?... вы сидите тут уже двадцать минут.

– И вы двадцать минут на меня смотрите? – заинтересовалась она.

Голос у Снегурочки был задорным. Лицо – круглощеким и милovidным. Губы – пухлыми. А длинные волосы при ближайшем рассмотрении были такого же цвета, как мех на капюшоне – белые-белые. И, правда, Снегурочка!

– Поглядываю, – признался он. – Вы кого-то тут ждете?

– Ага. Знаменья свыше.

– А что, обещали чего-то? Затмение будет? – Сергей посмотрел на раннее, но уже потемневшее небо, пытаясь понять, можно ли в принципе увидеть затмение во тьме?

– Скорее озарение. Или просветление, – Снегурочка сморщила пухлый нос и засмеялась.

Она нравилась Сергею все больше и больше. Понравилась бы, кабы не черная тоска в животе, в гортани, в груди.

– А можно я с вами тут посижу?

– Вы ко мне пристаёте? – деловито уточнила Снегурка.

– Нет... я здесь сегодня пью, – честно признался Сергей, очередной раз доставая из кармана плоскую флягу. – Хотите немного за компанию?

– Есть за что?

– А то как же! Меня сегодня девушка бросила. Алла. Официально. И навсегда.

– Изменил? – строго спросила Снегурочка.

– Я – нет. Она другого нашла. Получше меня.

– И чем он лучше?

– Вот хотел бы я знать... – вопрос попал точно в цель. – Чем он лучше меня? Вот ничем! Не понимаю, почему вдруг он, а не я... Не могу объяснить. Ты вот веришь в приворот?

– Верю ли я в приворот? – презрительно переспросила Снегурочка. – Да я, на свою голову, ас приворотов.

– Тоже приворожила кого-то? Расскажешь – как? Как вы, девочки, это делаете?... – было ли сказанное Снегурочкой шуткой или полуправдой, прикидывавшейся шуткой, чтобы не быть уличенной в страшном грехе? – Я слышал, девушки туда добавляют... – Сергей не договорил.

– Ой, ой, как мы вдруг засмутились! – пропела Снегурочка. – Ща-с угадаю. Ты слышал, что бабы подливают мужикам для приворота свои месячные?

– Ну да... типа того. Правда это? Скажешь, что правда, я в гостях, наверное, уже никогда есть не смогу.

– Тогда промолчу. А то ведь с голоду сдохнешь. Но это все детский сад. В настоящий приворот вообще такое идет... даже прах мужчин, умерших от неразделенной страсти, – она засмеялась.

Все-таки шутка?

Или она знает чего-то?

И все же смеяться с ней приятнее, чем пить и нудить.

– И кого это ты так... основательно... приворожила?

– Ой, разное было, – скисла Снегурочка. – Вот, первый

раз я одного парня приворожила к подруге... а он возьми да помри. И все! Ходит теперь к ней привидением.

– Так-таки привидением? – Сергей опять не понимал, шутит она или нет. – Страшно, наверное?

– Нет, он не страшное привидение – очень приличное... даже полезное. Не привидение вообще, а мечта! Но иногда меня мучают угрызения совести. Из-за меня ему жизни нет.

– В смысле, загробной? – Сергей старался достойно реагировать на ее выпендрож.

Или она не выпендривается?

Сумасшедшая?... Или правда умеет чего-то?

Вот бы и правда!

– Простите, вам не понять.

– Отчего же, – попытался осмыслить Сергей. – Выходит, если меня сейчас убить, когда я в Аллу влюблен, или я сам покончу с собой... я могу стать привидением и любить ее вечно... И по ночам к ней ходить?

И пусть она всю жизнь страдает от угрызений совести! Спать не сможет, есть не сможет...

– Поверь мне, мон хер, – известное немецкое выражение «мин херц» – «мое сердце» она произносила с веселой двусмысленностью, – это паршивая идея. А о самоубийстве – во-още позабудь. Понятно? – она хлопнула его по плечу.

И вот диво – мыслишки о самоубийстве, и впрямь скребшиеся весь вечер где-то за пазухой, вылетели пробкой, точно в прикосновении блондинки была инъекция горячительного

позитива.

– А может, ты не Снегурочка, а ведьма? И знаешь, как приворот с Аллы снять? Или хотя бы излечить меня от несчастной любви?

Конечно, на самом деле, он не верил ни в какой приворот. И в ведьм не верил. Но вдруг... вдруг... А вдруг?

На этом «а вдруг?» и выросла вся магия мира.

– Может, и знаю, – блондинка, сощурившись, посмотрела на небо, затем на часы в телефоне. – Ладно, давай свой коньяк. Как звать-то тебя?

– Сергей. А тебя?

– Даша Чуб, – она смачно отхлебнула из фляги. – Чем занимаешься, Сергей?

– Обычный программист. А ты?

– Так ты, верно, прощелкал, я – ведьма, – буднично сказала она и указала на лежащий в ее ногах темный предмет, оказавшийся на поверку метлой, необычной, с велосипедным седлом. – И не просто ведьма, а Киевица – хранительница Киева. Вот сижу тут почти каждую ночь, жду озарения... сигнала на небе, не случилось ли где-то какой-то беды. Пока только ты с бедой подошел. Вот я и в непонятке. Может, я тебе должна сегодня помочь?

Ее слова почему-то перестали казаться шуткой.

А может, просто вера в иррациональное, необъяснимое чудо, которое разом все поправит, решит, все расставит на свои места, всегда будет превыше жалкого рацио, ибо даже

острейший человеческий ум вечно оказывается неспособным справиться с простейшей бедой – вроде «Прости, я люблю Яна. Мы должны расстаться!»

– Стоп, мон хер, не ты... Вот ОНО! – вскричала блондинка.

И видимо оттого, что девица, то ли ведьма, то ли Киевица схватила его за руку, Сергей запрокинул голову вслед за ней и увидел нечто невозможное.

Небеса взорвались огнями звезд.

Небо стремительно упало, как падает на человека потолок или крыша вагона, но он не успел ни пригнуться, ни испугаться.

А небо остановило падение, стало огромным черным экраном со стремительным приближением кадра: Город, улица, дом, окно, а в окне – темноволосая темноглазая женщина в алом шелковом платье и какой-то старый сатир в полосатой пижаме.

И женщина эта была так невозможно прекрасна, что один ее вид каленым железом выжиг грусть, тоску и печаль.

Он ничего больше не понял, ничего не заметил, не успел даже осознать невероятность случившегося.

Темноволосая красавица затмила все – всех!

– Ну и женщина... Не женщина, а сердечный приступ, – только и смог выдохнуть он. – Я думал, таких не бывает. И как у меня сердце не остановилось вообще? – он даже не заметил, как подцепил слово «вообще» у блондинки.

Сергей втянул воздух, закашлялся, точно сходу хряпнул стакан ядерного самогона.

– Вижу, я таки излечила тебя от несчастной любви. Во всяком случае, от предыдущей, – с чувством исполненного долга сказала Даша Чуб.

Прошлая любовь? Алла?

Какая Алла?

Кто такая Алла в сравнении с...

– Даша, ты знаешь ее? Познакомь! Хоть скажи, где ее можно найти?

– Я бы и сама хотела это знать, – Снегурочка хмурилась, возмущенно взирая на свой телефон, безрезультатно пытавшийся вызвать имя «Катя» – в ответ шли занудные гудки. – Где сейчас вештается твоя красавица?

– Катя? Ее имя Катя? Нереальное имя!

– И главное – редкое. Прости за банальную шутку... Ладно, мон хер, закрой лучше глаза, не хочу добивать тебя, – Снегурочка подозрительно привычно оседлала метлу. – Давай-ка на раз, два, три...

Невесть почему, на «три» Сергей послушно зажмурился. Может, что-то внутри него подсказало, что даже в Городе Киве, даже зимой, даже на Старокиевской горе может быть перебор с чудесами.

Когда полминуты спустя он открыл глаза, блондинки рядом с ним уже не было.

Черт... это был самый волшебный вечер в его жизни!

Не торопясь, он достал флягу, отвинтил крышечку, опрокинул и слизнул с горлышка последнюю каплю – фляга была пуста, девица приложилась на славу.

– Нет, не Снегурочка, – удовлетворенно сказал он. – Ведьма. Точно ведьма.

* * *

Ведьма всегда будет несчастной, если в душе она остается человеком, – думала Катерина Дображанская, стоя в очереди.

Длинная, размеившаяся на сотню метров очередь вела в странное для ведьмы место – Владимирский собор. Но Катя честно стояла за толстой теткой в желтой вязаной шапке, не пытаясь протиснуться «поперед батька в пекло».

Пекло – точное слово. В церквях Катерине Михайловне сразу становилось невмоготу – тошнило, знобило, выворачивало, бросало в жар. И все же сегодня она пошла на подобное испытание сама.

В то утро красавица Катерина Михайловна Дображанская явственно осознала, что в ее жизни больше не будет любви.

Ее душа похожа на пустой, покрытый пылью сосуд. При том все прочие органы работают исправно: в руках и глазах таится неодолимая сила, ум – острый, и даже в душе царит полный покой... но с металлическим привкусом унынья души, похожей на пустую, покрытую пылью жестяную банку.

Или на спрятанную в Замке тайную комнату – комнату мертвеца.

И Катя вполне могла представить себя таким домом-замком.

Вот огромный парадный зал с нарядной лепниной – он предназначен для бизнес-встреч за длинным столом, обсуждений, презентаций, банкетов. Тут постоянно бывает много людей, тут она – королева, и все ее решения верны, а проекты – удачны.

Вот сверху тайная Башня ведьмы с Книгой Киевиц, полной заклятий и древней магии. Там она на своем месте, там она – загадка даже для самой себя, но отгадывать эту загадку волнительно и приятно.

Но есть еще одна комната... комната, о которой говорила ей мама во время последней встречи.

«Катюша, девочка моя... ты никого не любишь...»

Огромная, как больничная палата, пустынная, холодная, мрачная, с заколоченным крестообразными досками входом. Комната, где умерла когда-то ее любовь.

В этой комнате нет ни обоев, ни занавесок, потолки оплетены паутиной, стены намокли от сырости и давно отключено отопление. В этой комнате стоит одна лишь железная кровать без матраса. И на ней сидит Катя – не в печали, в смертельной апатии, понимая, что нет смысла двигаться – это ничего не изменит, нет смысла ждать – в эту комнату никто никогда не зайдет.

Она больше никого не полюбит.

И ее не полюбит никто.

Потому что пройти в ее тайную комнату можно только через Башню Киевиц – только тому, кто узнает истинную Катерину, Киевицу и ведьму.

А ведьму кто сможет любить?

Страсть она разожжет в любом... но любовь... Страх разожжет, безумие, похоть – что угодно. Чем больше разрастались ее силы, тем неодолимее становилась ее красота, тем отчаяннее были взгляды мужчин...

Но при чем тут любовь?

Для любви нужен равный!

– Не грусти, – Маша Ковалева нежно коснулась ее локтя – видимо все Катины мысли были прописаны у нее на лице.

Маша, младшая из трех Хранительниц Города, и уговорила Катю пойти сюда, во Владимирский, к открытым на один день мощам мученицы Варвары – самой известной на Киеве святой покровительницы любви и брака.

– А ничего, что Варвара твоя считалась в Киеве гонительницей ведьм? – усмехнулась в ответ Катерина.

Воистину Киев, столица Веры и столица Ведьм – Город контрастов, где даже ведьмы идут порой за любовью к святым. Впрочем, Ковалева, единственная из Трех Киевиц не имела в роду ведьм, а заодно и проблем со святыми и храмами.

– Давай попробуем, – мягко сказала Маша.

За ее спиной образовался Мирослав Красавицкий – прорисовался медленно, постепенно, чтобы люди в толпе, в суете, разговорах, моргании, не заметили, как призрак появляется прямо из воздуха, из неверных вечерних теней.

Привидение Мира обрело плоть. Он обнял Машу, они привычно улыбнулись друг другу.

– Мелкий заснул, – негромко сказал он, подразумевая Мишу, Машиного восьмимесячного сына, который, впрочем, считал Мира своим истинным отцом, и его не смущало, что истинный отец – привидение.

И Катя неожиданно почувствовала зависть... Мир Красавицкий – вот кто может любить и Киевицу, и ведьму. Потому что он – призрак. Он часть их ирреального мира. И ей, видимо, тоже стоит найти себе колдуна, привидение, вампира, черта лысого – разве не с ними обычно сожительствовали ведьмы в украинском фольклоре? Сказка ложь, да в ней, красотка, намек...

– Завидую тебе, – наклонилась она к Маше. – Вы уже столько времени вместе. Ваша с Миром любовь неподдельная.

Маша моргнула и почему-то смутилась, словно слово «неподдельная» оттолкнуло ее.

«Неподдельная? Так в чем проблема, Катерина Михайловна? – отозвался внутри голос всезнающей и саркастичной Кати-ведьмы. – Варишь Присуху. Даешь ее любому мужчине. Потом убиваешь его (чтоб и после смерти он не мог тебя

разлюбить)... и у тебя будет такая же неподдельная любовь, как у Маши и Мира».

«Зачем я так?... – укорила сама себя Катерина.

Но зависть испарилась.

Мир Красавицкий был приворожен однажды магическим зельем.

Он нечто вроде гомункулуса, выведенного в колдовской пробирке.

Хочешь и себе такого?

Просто сваргань, как мисс Франкенштейн!

И внутри даже пробежала черной кошкой крамольная мысль: «А почему бы не попробовать?»

Быть может, сильная ведьма просто неспособна выстроить отношения с мужчиной иначе?

Может, и ей не глупить, не ходить по святым, а пользоваться Присухой направо-налево – в свое удовольствие... экспериментировать с дозами. Кто ей запретит?

Почему, собственно, нет?

Их часть очереди уже подошла к стенам Владимирского. С мозаики над центральным входом на Катю неодобрительно взглянул подозрительно красивый князь Владимир, креститель Руси, в золотой, украшенной драгоценными камнями византийской короне. Две молодые женщины, стоявшие за Катей засуетились – одна поспешно выплюнула жвачку и вернула ее в бумагу, вторая старательно заправила фривольные голубые локоны под меховую шапку.

– Катя, дай Варваре всего один шанс, – снова считала Катя настроение Маша.

– Я слышала, после встречи с Варварой, – невесть почему голубоволосая расценила эти слова как начало диалога, – ты точно встретишь свою настоящую любовь. А если любовь ненастоящая, она сразу отвалится.

Катерина заметила, как неприятно потемнело лицо Мирослава Красавицкого.

Неужели он тоже считает их любовь ненастоящей? Какая чушь – они вместе столько лет, какое теперь имеет значение, как все начиналось когда-то? Ну, приворожили его – не велика беда...

Или беда? Просто все они – и Маша, и сама Катя, и Даша Чуб привыкли к Миру, перестали отличать его от живых. Привыкли к своему подручному призраку, как иные ведьмы привыкают к своим персональным чертям, считая их практически членами семьи. Тем паче, что черти всегда остаются верны своей избранной ведьме – преданы ей, как домашние собаки. Как присушенные привидения...

Катя обратила взор на Собор – портал главного входа приближался, очередь поднялась еще на одну ступень, уже был виден притвор, где продавались свечи, вторые стеклянные двери вовнутрь и потолок храма за ними.

– А мне говорили: стоит во Владимирский парня своего привести... ну, просто так, типа фрески посмотреть... и он в тебя сразу влюбится! – сказала вторая молодая. – И пред-

ложение сделает сразу, – похоже, она мало отличала святую Варвару от обычной Присухи.

– Дуры вы, – гаркнула через плечо тетка в желтой вязаной шапке. Дображанская подумала, что та отчитает их сейчас за «приворотные» мысли, но в корне ошиблась. – Хотите мужа хорошего – колечко святой Варвары купите! И носите. Оно всем помогает. Только сегодня вы уже не купите... я последнее забрала, – довольно похвасталась она. – Бабуля-продавщица мне так и сказала: «осталось одненьке – мабуть, вас і чекало». Вот! Как раз на большой подошло, – показала тетка оттопыренный палец.

– А когда следующие завезут, не сказали? – оживилась голубоволосая.

Но на них зашипели, затсыкали со всех сторон – очередь вползла в храм, и разговоры стали неуместны.

И Катя смирилась, сняла свои темные очки, повыше подняла воротник, чтоб не смущать никого в храме своей чрезмерной ведовской красотой.

Очередь, начинавшаяся еще на улице, за оградой храма, и тут, внутри собора, вилась длинной змеей, проходила мимо Распятия Христа, изгибалась петлей вокруг колонны с фреской пышнобородого Нестора-летописца, раки святого киевского митрополита Макария, и лишь затем сворачивала в противоположную часть храма – к Варваре.

От очереди отделилась пожилая пара, подошла к мощам Макария, закрестилась. И Катя поразились их своеобразной

красоте. Старушка с аккуратной седой прической в газовом белом платке 60-х годов – верном платочке, сейчас (как, наверное, и сорок лет назад), делавшем ее лицо окутанным романтической тайной. Рядом – верный муж, возможно, и подаривший ей сорок лет назад этот платок. Видно, приехали откуда-то – лишь киевляне, привыкшие к своим чудесам, от рождения до пенсии не находят ни времени, чтобы их посетить, ни душевных сил искренне ими восхититься. Или идут за чудесами с лукошком – как на базар за картошкой.

Но нынче даже Катерине Михайловне было во Владимирском на удивление хорошо и покойно. Точно отстояв на холоде длинную очередь, она получила послабление... или сама Варвара была милосердна к ней. Может, хороший знак?

Молодая девушка в модной искусственной шубке, рваных джинсах и кроссовках со стразами упала на колени перед ракой с Варварой, коснулась пола лбом, искренне, горячо-горячо зашептала молитву... явно не о любви, о здоровье кого-то из близких.

Разные люди ходят сюда, и проблемы и беды у них тоже разные.

И даже Катина душа вдруг умолкла, затихла и затаилась в тщетной надежде...

Но, подобравшись к похожей на большую золотую карету раке святой, испытала разочарование.

Даже сегодня, в Варварин день 17 декабря, сами мощи не открыли – отворив лишь стеклянную крышку гроба. Но

нетленное тело святой так и осталось под мерцающей узорной парчой.

«А есть ли там что-то? – подумала Катя. – Почему ее даже не показывают нам?» Но решительно отодвинула в сторону нехорошие мысли.

Теперь ей казалось, что очередь движется слишком уж быстро – всем приближенным к телу отводили лишь пару секунд. И Катя жадно впитывала подробности. Знойные букеты лилий у подножия раки. Колонны из зеленого камня змеевика. Украшавшие раку разноцветные медальоны – сцены из жития святой.

– Давай, – Маша пропустила Катю вперед.

Поднявшись на три ступени к гробу святой, Дображанская быстро прикоснулась губами к парче, прикрывающей нетленное тело, посмотрела на икону с лицом Варвары – закрытые глаза, маленький рот.

Бородач в нарядном церковном одеянии положил на голову Кати золоченый венец.

Но она ничего не почувствовала. Ничего. Совершенно.

Толпа оттеснила ее.

Второй священнослужитель выдавал всем желающим красные и розовые ленты, освященные на нетленном теле Варвары. Катя молча взяла кусочек искусственного красного атласа.

Пустота – все та же пыльная пустота с металлическим вкусом снова зазвенела, засадила внутри.

Толпа несла ее к выходу. Может, все дело в толпе? Все слишком быстро, суетливо – святость по конвейеру.

Маша выбежала из храма следом за ней.

– Я говорила, нам нужно пойти в другое место! – Ковалева не казалась расстроенной – скорее убежденной, что Катя следует верной дорожкой. Остались мелочи – допинать ее до конца.

– Я не смогу пройти в Прошлое так далеко, – сказала Катерина.

– Я могу, – сказала младшая из Киевиц. – И Мир может. Он привидение, он может зайти даже дальше меня. Вместе мы точно протащим тебя... Попробуем?

* * *

Всего пятнадцать минут спустя они уже стояли рядом с Софией – самым старым храмом Киева на самой прекрасной площади Города, похожей на волшебное зеркало, где бело-голубые тела Софии Киевской и Михайловского Златоверхого словно отражались друг в друге двумя стройными колокольнями с маковками, двумя многоголовыми и златоглавыми храмами.

Их одежда вполне подходила для похода в минувшее – все трое были облачены в пышные меховые шубы до пят, кожаные перчатки, на женщинах были платки.

Маша крепко взяла Катю под руку, Мир Красавицкий

приобнял ее с другой стороны – двое сопровождающих Катерину Дображанскую переглянулись, кивнули друг дружке...

В ухо свистнуло знакомое заклятие для перехода в Прошлое: «Именем Отца моего велю, дай час, который мне должно знать».

И, дважды моргнув, Катя перенеслась на несколько столетий назад...

И обмерла, застыла в изумлении, окутанная ледяным пронизывающим холодом.

Страшное, жуткое впечатление представлял этот незнакомый ей Киев XVI или XVII столетия – мертвый Город.

Привычной глазу Софийской колокольни еще не было, не было и белокаменной ограды, а окна казавшегося сейчас одиноким и неприкаянным обветшавшего храма Премудрости Божией были заколочены досками.

За ним просматривались руины Золотых ворот и остатки земляного защитного вала князя Ярослава, местами поврежденного, но все еще высокого, упрямо отражавшего неумолимое воинственное движение времени, не пощадившего Великий и прекрасный Город древнерусских князей.

Катя сделала несколько неуверенных шагов, то и дело оглядываясь, впитывая в себя впечатления – пять разрушенных церквей вокруг Софийского храма: Ирининскую, Георгиевскую, святой Катерины и еще две, чьи имена, она никогда не слышала. Тонкие тропинки между неизвестных ей нагромождений камней. И чью-то черную козу, безмятежно

прогуливавшемуся между остатками великой Истории.

– Какой нынче год? – спросила Дображанская.

– Полагаю, сейчас 1600-е годы, – сказал Мир Красавицкий. Судя по равнодушному тону, он уже бывал тут не раз. Скорее всего, они с Машей облазили все ближайшие столетия, как иные влюбленные обходят кафе, фестивали, тусовки и ярмарки.

– Но почему Киев выглядит так... ужасно?

– От хана Батыея до хана Менгли-Гирея было много нашествий. И Верхний Киев на столетия превратился в Город мертвых, – печально объяснила Маша.

И Кате припомнилась сказка о Спящей красавице и ее заколдованном царстве.

Конечно же, здесь были люди. И впереди высился еще один оставшийся в живых – Михайловский Златоверхий собор, еще однобашенный, но с горделивым одним-единственным в Киеве золотым верхом. И кое-где даже лепились домишки, бескомплексно, как трава, пробившаяся сквозь мертвый асфальт, втиснувшиеся между останками древнего Киева.

И все же, Катя осознала это впервые – тот прежний, Великий княжеский Киев Владимира и Ярослава никогда не воскреснет. Как не воскреснут Помпеи. Не восстанет из пепла Троя. Не поднимется со дна Атлантида.

И невесть почему, этот Город на холме тоже показался Кате лежащим на дне морей-океанов.

И золотой купол однобашенного Злато-Михайловского сиял как огонь маяка посреди моря руин.

А потом перед Катей предстала главная жемчужина этого града, когда, пропетляв меж развалин, они зашли в еще крохотный, однокупольный, Михайловский храм с древними иконами и тронутыми плесенью стенами, и подошли к расположенной слева от входа раке святой Варвары в маленькой нише.

Она и впрямь напоминала жемчужину, покоившуюся на морском дне в полураскрытой раковине – белую, перламутровую, наполненную неведомым светом.

И у Кати перехватило дыхание.

Девушка в простом деревянном гробу, в позолоченном деревянном уборе на бледном челе лежала в раке как живая. Совершенно живая! Кате довелось повидать немало мертвецов и осознать, что истинно мертвые всегда отличаются от живых – в них нет энергии, духа, они лишь пустая захламодевшая оболочка.

Но девушка и правда казалась спящей – Спящей красавицей в заколдованном мертвом Городе.

«Восковая кукла? – подумала нехорошее Катя. Самооправдалась: – Ведь так не бывает...» – И устыдилась своих мыслей. Но не смогла их прогнать.

К ним уже спешил местный служитель в темных вороньих одеждах. Но Мир Красавицкий отвлек его внимание на себя, увел в противоположную часть церкви – заговорил, за-

дал какой-то вопрос, притом на латыни. Катя и не догадывалась, что он знает латынь. Но что они вообще знают о Мире? Чем живет и дышит их одомашненный призрак? Его движения были властными и уверенными, как у царской особы, и чернорясый сразу принял его власть, отвечал старательно, немного волнуясь.

Катя прислушалась, но уловила всего несколько слов: «бесы», «голова Владимира...».

– Сколько Варваре лет? – тихо спросила она у Маши.

– Трудно ответить. Нет никаких реальных подтверждений ее существования – только церковная легенда. А по легенде ее мощам примерно тысяча триста лет¹.

– Но ведь так не бывает... Мертвые не могут выглядеть так!

– Катя, если здесь и сейчас, в XVII веке ты будешь стоять и думать, что так не бывает – мы зря пришли сюда, – беззлобно укорила ее Ковалева.

– Хорошо. Хо-ро-шо, – проговорила Катерина одними губами.

Она приблизилась к раке святой. Огляделась вокруг – ради отсрочки, не ради впечатлений. Пытаясь сосредоточиться, настроиться на чудо, в которое ей никак не удавалось поверить, она отметила, что храм переживает не лучшие свои времена, зато на стенах еще сохранились чудесные византий-

¹ Согласно «житию святых» Дмитрия Ростовского, св. Варвара Илиопольская умерла в 306 году.

ские мозаики, а пол украшен разноцветными камушками.

– Был город великий, великий город был Владимира нашего. А нынче, нынче... – громко вздыхал в дальнем углу чернорясый служитель.

– Так говорите, саркофаг князя Владимира Петр Могила нашел... и голову его? – отозвался Мирослав.

А Катя снова посмотрела на святую Варвару.

Ну не бывает так!

Бледное лицо великомученицы было прекрасным – с правильными чертами лица, с закрытыми глазами. На плечах и груди юной святой, похожей на сказочную принцессу, лежали длинные волнистые белые волосы до самого пояса. Ее маленькие ступни были босы, а тело покрывала драгоценная ткань из серебряных нитей.

Красавица, спящая в гробу посреди замороженного царства.

Киев был похож на древнейшую книгу сказок... И все сказки были здесь когда-то истинной явью!

Может, беловолосая юная царевна, лежащая в своем гробу как живая; может, Катино «Так не бывает!» – и позволяло поверить в невозможное?

Обрести саму веру?

Катя попыталась заглянуть внутрь себя, увидеть свою душу, похожую на пустой сосуд, почувствовать веру, засеребрившуюся на дне хоть одной каплей росы.

– Святая Варвара, великомученица киевская, – неуверен-

но произнесла Катерина Михайловна слова, которым заранее обучила ее великоразумная Маша, – помоги мне, пошли мне...

Договорить, сформулировать свою просьбу она не успела.

Посреди храма XVII века раздался совершенно неуместный тут звук – звук Катиного мобильного – пришла смс.

Как, если она специально отключила свой аппарат?

Чудо?

Маша громко и поспешно закашлялась.

– Ужели митрополита Исаия схватили прямо тут... и в одной власянице? – громко уточнил Мирослав.

А Катерина достала свой телефон и украдкой прочла (чудесное?) послание:

Нам необходимо встретиться. Виктор Топов.

Михайловский монастырь, 1870-е гг

...Имел он дочку по имени Варвара, которую берег как зеницу ока... Когда начала подрастать, стала с лица весьма красна, и не было ровным ей за красотой девушки во всей той стране. Поэтому отец ее построил для нее высокий столб изобретательного строения, а на столбе устроил помещение прекрасные, и в них закрыл дочку свою Варвару.

Дмитрий Ростовский «Четьи-Минеи»

Рака св. Варвары из двадцати трех пудов серебра.
Фото до 1917 г.

История эта начиналась как красивая сказка: жила-была девушка такой ослепительной красоты, что отец решил укрыть ее от взглядов в высокой башне на тонком столбе.

Столб этот представлялся Алексею резным и витым, а дом на столбе походил на терем. Красавица открывала резные ставни окошка, смотрела вниз, перекинувшись через подоконник. И образ ее постоянно менялся, словно она воплощала одновременно все лики девичьей красоты. Но с годами красавица в башне стала все больше походить на его покойную мать.

Мама Лиза читала ему житие святой Варвары. Он помнил мамино худое лицо, склоненное над сафьяновой книжицей, светлый локон, то и дело падавший ей на глаза, который она поправляла всегда одним и тем же незлобивым, уютным движением – за ухо. Ни разу не видел он свою мать раздраженной, угрюмой, печалющейся по пустякам.

Мать рассказывала, как будучи маленьким мальчиком, Алексей едва не сгорел от лихоманки. Как доктор посмотрел и сказал «Не спасти». «А деньги ведь взял, не побоялся же Бога», – повторяла все мать. А потом она стала молить святую Варвару и дала ей обет: «Коли поправится ее сыночек Алеша, то станет иноком в Злато-Михайловском». И сняла с себя золотую цепочку, и серьги, и брошь – все отнесла чудотворице киевской, оставила себе только крестик крестильный.

И принесла ему взамен водицы со святой Варвариной руки.

«Она напоила тебя со своей руки, и ты сразу поправился – прямо на утро! Спасибо тебе, святая Варвара», – заканчивала всегда одинаково мать и, закрыв глаза, читала молитву так старательно, точно боялась: если однажды, она случайно пропустит хоть слово, Варвара рассердится и заберет Алешу – утащит его в свой серебряный гроб.

Часто-часто читала ему мать о красавице святой Варваре из сказочной башни.

Конец истории Алексей дочитал уже сам, много позже – и был он страшен, ох, страшен!

* * *

– ...не пожелала она отречься от истинной веры христовой! И император-язычник велел подвесить Варвару на дереве и дал палачам страшные когти железные, и повелел строгать ее тело железными когтями. А раны кровавые прижигать огнем горящих свечей. Но и этого извергам показалось мало. Пока одни палачи разрывали и жгли прекрасное тело Варвары, другие били ее по голове громадным молотом... – рассказывал Алексей, не забывая ловко распорядиться ветошью и смахивать пыль с деревянного резного киота иконы святой Екатерины Александрийской.

Такое уж было у них с приятелем Федором послушание –

ежедневно прибирать Главный храм. Но Федор предпочитал исполнять работу попроще, как он сам говорил, поразмашистей – два взмаха и готово: вымести и вымыть пол, вынести мусор, снести в свечную мастерскую сосуды с оплавленными свечами и остатками воска. Все это он и впрямь делал быстро и споро – вот и сейчас уже заканчивал протирать пол, и на лице его явственно обрисовались мечтания, далекие от их темного храма.

– И невозможно было не только юной прекрасной отроковице, но даже самому сильному мужу остаться живым после подобных мук и страданий, кабы не укрепляла агницу Христову Варвару невидимая Сила Божья, – продолжал Алексей, давно заучивший наизусть Четьи Минеи преподобного Дмитрия Ростовского. Хоть иногда, для пушей красочности повествования, он все же вставлял туда пару-тройку слов от себя.

Четырнадцатилетний отрок Петр слушал его как замороженный.

А когда Алексей дошел до той, особенной части, где красавице деве Варваре и вступившейся за нее деве Иулиании отрезали их девичьи груди – мальчик уже не сдержался, сел на ступеньки у раки и заплакал навзрыд.

Хоть Алексей и не знал, плачет ли отрок о страстях и мучениях Варвариных или о своих усопших родителях. Нынче утром принесли Петру страшную весть – и отца, и мать его в одну ночь съела холера. Оттого Алексей и старался отвлечь

его, как умел.

Заплаканного, худенького мальчишка после заутреней подвел к Алексею его дядька, отец Александр, и наказал приглядеть за мальчонкой: «Перво-наперво отговори его выходить за пределы монастыря. Сам знаешь, опасно это. Слишком опасно!..»

Послушническая шапочка Алексея согласно закивала.

Уже третий месяц холера гуляла по Киеву, минуя лишь их святой Златоверхий Михайловский. И сидевшие в монастыре ощущали себя словно в осажденном граде, где одновременно и безопасно, и страшно.

Из-за холеры четырнадцатилетний Петр и поселился у них, почти месяц жил в их обители, пел в хоре на клиросе, и благодаря чудесному голосу успел сыскать себе среди прихожан Златоверхого славу херувима земного.

Петр не был ни иноком, ни послушником – был на особом счету.

Родители его, богатые благотворители, всегда щедро жертвовали и на Злато-Михайловский, и на иные храмы. И даже далекий от мирских дел Алексей понимал: теперь, когда мальчик остался сиротой и наследником, отец Александр и благочинный² совсем не хотят, чтобы Петр перешел от них в другой монастырь.

– Ты поплачь, поплачь, да помолись святой Варваре, чтобы родитель твой и родительница все посмертные мытарства

² Благочинный – помощник настоятеля монастыря.

прошли и вошли налегке в Царство Небесное. Тебе и самому сразу легче станет, – попытался успокоить мальчонку Алеша. – А я тебе другую историю расскажу. Ты же наш «Варварник» читал – о киевских чудах пресвятой девы Варвары? Об Андрее и Федоре слышал?

Отрок неуверенно мотнул головой.

Послушник Федор, бывший тезкой одного из героев истории, буркнул что-то невразумительное из-под широкой лавки, на которой во время длинных служб позволялось сидеть самым старым монахам монастыря, уже с трудом державшимся на ногах. И Федор как раз стоял на коленях, привычно полируя пол между ножками лавки и ногами древнего старца Пафнутия, присевшего там еще во время заутреней и восседавшего с тех самых пор с явным намерением досидеть до вечерней.

– А я вот сейчас тебе расскажу, – пообещал Алексей.

Он закончил «золотить» своим усердием медь. Два массивных, не слишком изящных подсвечника, стоявших как два стража у раки святой Варвары, Алеша всегда натирал до сверкающего золотого блеска, не позволяя им ни на миг покрыться ни мутью, ни патиной, ни восковой пеленой от растаявших во славу Варвары свечей.

Осталось самое важное – рака самой великомученицы киевской, окруженная литой узорной оградой.

Три ступеньки вели к нарядному гробу из девяти пудов чистейшего серебра под таким же серебряным балдахином с

узором из тонких завитушек.

Пожертвованный христоролюбивой графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской девятипудовый серебряный гроб украшали фрагменты из жития «Невесты Христовой Варвары», а на подаренном ею же балдахине весом в четырнадцать пудов, словно божьи птички, сидели херувимы с крылышками и круглощеками личиками.

Под ним мерцали семь горящих лампадок. А сам балдахин украшало множество обетных даров: цепочки, дукачи, перстни – подношения десятков прихожан и паломников, приходивших сюда, как приходила когда-то и Алешина мать, чтобы жарко молить святую о выздоровлении.

– Однажды, перед праздником Рождества Христова, – начал новый рассказ Алексей, – во время святого поста, в который отмечают и праздник святой великомученицы Варвары³, пробрались в храм два нехороших человека, два воина. Одного из них звали Андрей, а другого Федор. Пришли они сюда оттого, что увидели, как много золотых и серебряных даров приносят богомольные люди святой Варваре, и успели приметить среди них особое драгоценное украшение, лежащее на ее честных мощах. С намерением похитить его явились они ночью и взломали южные двери храма. Оба воина устремились к гробнице. Но едва они приблизились к раке и протянули руки к дарам, – Алексей даже отпустил свою тряпку и

³ 4 декабря по старому стилю – 17 декабря по нашему календарю (*новому стилю*).

поднялся по трем ступенькам, изображая крадущихся в ночи преступников, – как случилось чудо чудесное... Ударил страшный гром, – глас Алексея стал грозен, он поднял руки к высоким сводам древнего храма, – и посыпались от святой раки огненные искры. И упали они на землю, как мертвые, и один из них сделался глух, а другой сошел с ума. Так святая Варвара наказала их за попытку совершить страшный грех и украсть дары у святой.

Отрок Петр перестал плакать, по-видимому, представление, устроенное для него Алексеем, произвело впечатление.

Но бес, он не спит никогда, испытание пришло, откуда не ждали.

– И ты в это веришь? – неожиданно спросил Алешу его приятель Федор.

– Конечно, верю, – немного удивленно сказал Алексей.

– И, если я сейчас украду что-нибудь из раки Варвары, она покарает меня?

– Конечно, покарает, – убежденно подтвердил Алексей.

– А давай-ка проверим! – Федор вмиг оказался у гроба Варвары. – Давай я возьму... – пробежался он азартным взором по обетным дарам – украшениям, орденам, а также отлитым из серебра и золота крохотным человеческим ножкам, ручкам, головам, туловищам и сердцам, свидетельствовавшим о том, какая часть тела болит у просителя. – О! Давай я украду сребную ногу нашего звонаря Захария, – облюбовал жертву он.

– Звонаря?... – опешил Алексей (братия Михайловского, как и монахи других монастырей, просила Варвару подсобить им с добрым здравием не менее часто, чем простые прихожане).

– И мы посмотрим, Варвара покарает меня? Вот прямо на месте, громом и молнией!

– Как ты можешь?... – не на шутку испугался Алесей, – отойди, а то увидит тебя гробовой, да расскажет еще благочинному. Ты не думай, он зоркий – все обетницы знает наперечет!

Бесчисленные дары прихожан на деле пересчитывались, и весьма скрупулезно. Гробовой – монах Нафанаил, состоявший при гробе Варвары, приходил с большой тетрадью, и подробнейшим образом записывал в нее сколько «приносимых разных штучек» золотых и серебряных пожаловали в подарок святой. Снимал их с балдахина, вынимал из гроба, взвешивал на весах:

«Корпусов – 88, головок – 58, очей – 50, ух – 1, грудей – 8, сердец – 17, ручек – 23, ножек – 14, зубов – 1».

И даже на излишне старательного Алексея, постоянно крутившегося у раки, подтиравшего бесконечную восковую каплю от свечей, Нафанаил поглядывал недружелюбно и косо, точно постоянно боялся не досчитаться обетных даров.

Но слова Федора редко расходились с делом. Он быстро протянул руку с намерением сорвать с балдахина над ракой правую (хромую!) ногу их звонаря.

Алексей звонко ударил его по руке.

– Гробовой на меня ведь подумает!

Больше всего Алексей боялся, что однажды его послушание убирать в храме заменят на иное.

Послушание свое он любил и жизни своей не представлял без него. Можно ли придумать лучшее занятие в Злато-Михайловском, чем ухаживать за ракой святой девы Варвары, состоять при ней, ежедневно купаясь в лучах ее божественной святости?

По правде, Алексей скромно полагал, что ничем не заслужил столь благословенный удел и получил его лишь оттого, что близкий к благочинному отец Александр был его дядькой, братом покойной маменьки Лизы. Но, конечно, никакая родственная связь не защитит его, если однажды гробовой обнаружит пропажу драгоценных обетных даров.

– Вот видишь, ты сам не веришь, что Варвара меня наказывает. Варвара, а не наш благочинный, – оскалился Федор.

– Не верю, – честно сказал Алексей. – Варвара ведь не злая. Она не карает за глупость. А ты по глупости говоришь сейчас это. А не от зла. И не от корысти. И не от сребролюбия. От глупости только.

– От глупости, нет ли, а за воровство у святых Всевышний всегда карает. И даже царям не миновать кары небесной! – сказал вдруг хриплым и резким голосом старец Пафнутий, все это время безмолвно восседавший в полудреме на лавке и казавшийся присутствующим почти неживым. – Как

отобрала немка все наши земли – с тех пор и проклят весь ее род! И сын ее, царь, нехорошей смертью помер. И внук ее, царь, молодым со свету ушел. А второй внук ее, царь, самый страшный грех совершил – руки на себя наложил. И правнук ее, царь, от сонма бесов смерть примет... И праправнуку несдобровать! Ведь записано было в древнем Евангелии нашем Михайловском: кто силой отберет монастырские земли, тот проклят будет!

«Ох... из огня да в полымя!» – невольно подумал Алексей.

Кабы не холера, еще весной с восстановлением путей Пафнутий должен был перебраться в Феофанию – в обитель для старых монахов с прилежавшим к ней монастырским кладбищем.

Был он почти слеп и почти недвижим, и в теплое время день за днем сидел на ступеньках храма, подставляя незрячие глаза и лицо солнцу, пребывая в своем полунебесном мире, где не существовало никаких земных кесарей.

Но хоть старец и вел богоугодные речи во славу царства небесного, критиковать земных царей ему точно не следовало. И пусть в глубине души Алексей был согласен с Пафнутием, он испугался за старика, ведущего крамольные речи в присутствии скептика Федора и совсем юного Петра, который по глупому малолетству перескажет их позже кому угодно.

– Слушай меня, отрок! – старец глядел своими полусле-

пыми глазами одновременно на всех и ни на кого. – Лучше тебе самому себе руку отрезать, чем у святой церкви украсть, как это сделал твой предок... я ведь знаю, из какого ты рода, изурочен твой род... таким, как ты, раз согрешив, уже не покаяться.

– Идемте, старец Пафнутий, я лучше вас в келью сведу, – примирительно сказал Федор.

Не был, не был Федор плохим человеком! Просто мелкий бес постоянно бегал за ним, дергал за полы ряски, лез под скуфейку, тербил за косицу, шептал в ухо, подбивая на крамольные мысли и речи.

– Лишь голова святого Владимира царей наших может спасти! – Слепые белесые глаза старца Пафнутия заморгали часто-часто. – Кто из царей ее в уста поцелует – спасется. А тот, кто обретет главу Владимира, получит власть над всем миром. Превеликая наша святыня – честная глава князя Владимира в Печерском соборе. А мы, как идола нам тут проклятого поставили вновь – прокляты, прокляты...

– Завтра моих родителей там отпевают. В Великой церкви Печерской, – сказал тихо маленький Петр.

– В Лавре? – переспросил Алексей. Вот, выходит, отчего отец Александр беспокоится, не уйдет ли их сладкоголосый херувим в первейшую на Киеве Лаврскую обитель.

– А ты можешь пойти со мной на похороны? – Петр с печалью посмотрел на Алексея, заранее ожидая услышать отказ.

Знал, завтра состоится и иное – великое событие, торжественное обнесение святых мощей Варвариных вокруг Злато-Михайловского монастыря ради избавления от холеры, предотвращения новых смертей. И до последней минуты Алексей в свою очередь не сомневался: уж ради такого события Петр точно останется в обители.

«Отговори его выходить за пределы монастыря. Сам знаешь, опасно это...»

Но как отговорить сына идти на похороны собственных родителей, маменьки с папенькой?

Кто бы мог отговорить его, Алексея, проводить в последний путь любимую мать?

Да и какая опасность угрожает Петру, ведь мальчик теперь под покровительством святой Варвары?

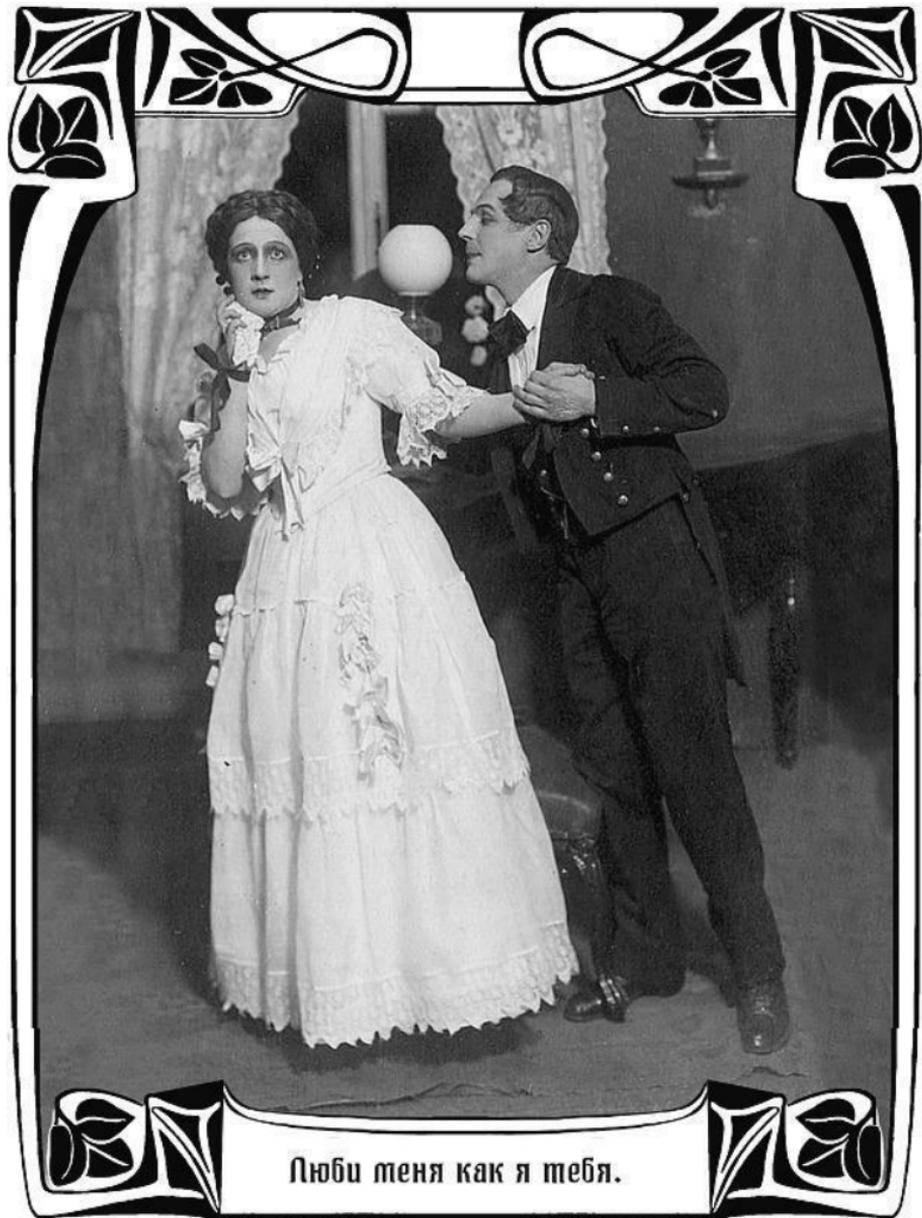
– А она может оживить моих родителей? – с внезапной надеждой спросил юный Петр. – Она ведь все может! Ты сам говорил... Ведь Господь воскресил Лазаря, а раз она рядом с Господом на небе стоит, может, попросить у него. Ведь так? Оживи моих родителей святая Варвара... оживи!

Мальчишка вдруг фанатично и жарко закрестился и рухнул на колени пред серебряной ракой.

Глава вторая, в которой Катя идет на свидание

*...близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый баумачок.*

Анна Ахматова

Люби меня как я тебя.

17 декабря

Выбор места был неудачным. Ресторан, куда пригласил ее Топов, слыл нынче любимым местом богатых и властных.

Зачем он позвал ее сюда? Чтобы гарантированно произвести впечатление? Или из желания похвастаться отношениями с Катериной Дображанской, публично поставить значок «в отношениях»?...

Как минимум, двух человек в зале она знала лично, добрая половина, скорее всего, знали ее.

«Минус», – мысленно поставила отрицательную отметку она. Лучше бы он пригласил ее в свое особое место, в любимый подвальчик-кабачок, поделился с Катей личным «секретиком».

В ресторане, как и по всей стране, официально царила эпидемия. Все официанты были в медицинских марлевых масках, невольно напоминая Кате о прежних веках и страшных масках с черными клювами, за которыми люди надеялись спрятаться от неумолимой чумы.

Любопытно, что во Владимирском храме, где Кате довелось побывать нынче днем, людей в масках не было вовсе. То ли стоявшие в очереди к раке святой Варвары не следили за политическими новостями, то ли верили в ее защиту беспрекословно.

И ей тоже хотелось поверить, что Варвара не подвела – не

взирая на «минусы», ее свидание не закончится как обычно.

– Вы готовы сделать заказ? – спросил официант. Маска делала его похожим на злоумышленника, скрывающего свои истинные чувства и желания – например, желание подсыпать им яду в еду. Или нежелания признать, что их фирменное блюдо, модный нынче салат «Чернобыль», точно соответствует своему названию.

– Позже, – сказала Катя.

Сейчас ее интересовал только взгляд Виктора Топова – мужчины, сидевшего напротив нее.

Взгляд непривычный – чересчур прямой и дружелюбный, как рука, протянутая для рукопожатия. Никаких ребусов («разгадай, что я имею в виду») в его взгляде не было. И это обезоруживало.

Кате не понравился его взгляд, скорее смутил – она не привыкла пожимать руки мужчинам, и безоружной быть не привыкла. И не знала пока, как оценить свое смущение – в «плюс» или «минус».

Или просто принять его вызов?

Катя тоже пришла на встречу без оружия и брони. Сняла с пальцев все магические кольца-модерн, чтобы избавиться от лишней силы и лишнего искушения – оставив на пожарный случай одно, с одолень-травой, подавляющей волю. Сняла темные очки.

И вместо «защитного» делового костюма надела красное шелковое платье с запахом – не взирая на целомудренный

вырез, крой и самый легкий трепетный шелк таили обещания.

– Вы не боитесь эпидемии? – спросил Топов скорее для поддержания разговора.

– Не особенно. А вы?

– А я точно знаю, в каком властном кабинете находится очаг заражения.

– Не будем о политике.

– Не будем. Будем о вас. Давайте поиграем в правду, – предложил он.

«Игра в правду? Как-то по-детски... Но скорее «плюс».

Без оружия.

И рукопашную.

– Давайте попробуем, – сдержанно согласилась она.

– Почему вы приняли мое предложение? Да еще в тот же вечер? Вы не ходите на свидание ни с кем, всегда говорите «нет».

– Наводили справки? – подняла брови Катя.

– Это всем известно. Почему же я – исключение?

– Честно? Считайте, что мне явилась сегодня святая Варвара и повелела: «Катя, ты должна сходить на свидание!» – Дображанская сказала практически чистую правду.

И следовало признать, святая неплохо разбиралась в мужчинах – она подсунула Дображанской не худший экземпляр.

Он был хорош! Широкоплеч, светловолос, светлоглаз, со светлой бородой, с мягкими завитками русых волос. Чем-то напоминал древнерусского витязя с портрета подзабытого

ныне художника Константина Васильева.

Но вот в открытом дружелюбном взоре его не было и намека на мягкость нрава.

– Что ж, постараюсь понравиться вашей святой Варваре. Может, сходить, поставить ей свечку? Вдруг мне тогда повезет, и в следующий раз она скажет вам: «Катя, не ходи на свидание с другими – ходи только с ним!» – вполне удачно пошутил он.

«Плюс».

– Моя очередь. Вы понимаете, что мое согласие касается исключительно ужина?

Обычно уже на первых минутах первого свидания она жалела о своем согласии. Особенно, если мужчина сразу намекал на запланированный финал, и было ясно: сценарий вечера уже прописан в его голове, и вслед за рестораном идет эпизод с титрами «постельная сцена».

Топов с улыбкой поднял руки, сдаваясь в плен:

– Я не надеюсь на большее. Надеюсь лишь, что вы не сбегите, как Золушка. И раз мы заговорили о Золушках, у меня есть сюрприз. И еще один вопрос. Два месяца назад со мной произошло невероятное событие. Я стоял на улице, и вдруг прямо с неба на меня упало вот это...

Он с некоторой торжественностью достал из сумки серебристую коробку-шкатулку и с улыбкой поставил ее перед Катей.

Заинтригованная, она приподняла крышку и увидела соб-

ственную туфельку, потерянную при расследовании дела Некромантов еще на Деды – во время небесного полета-погони.

– Хорошо, что она не хрустальная. А то бы разбилась, и я не смог бы прочитать имя владелицы. Я заинтригован! – сказал Топов.

Он удивил ее. Скорее приятно.

Романтик, однако! Нашел ее туфельку, сохранил...

Может, судьба?

Может, и правда, подмутила святая Варвара? И не зря Катя дошла аж до XVII века.

– Как она могла упасть на меня прямо с неба?

– Видимо, я как раз пролетала по небу на метле.

– Я ведь просил честно, – насупился Топов.

Эту «шутку» он уже не смог проглотить. Слишком давно его разъедало неудовлетворенное любопытство, и, похоже, за два месяца он так и не смог изобрести удовлетворительного объяснения подобному небесному чуду.

– Честнее не бывает.

– Не хотите говорить – так и скажите.

«Минус». Не слишком ты сдержан. И не слишком умеешь собой управлять!

– Не хотите верить? Или боитесь, что мои слова окажутся правдой?

– Да знаю я, вас вечно называют ведьмой. Даже странно, насколько серьезно некоторые люди верят в такую ерунду.

Когда моя секретарша узнала, с кем я сегодня на ужин иду... вы не поверите, она меня перекрестила! – он рассмеялся и сразу посветлел.

Отходчив. «Плюс».

Катя тоже рассмеялась... Кабы в эту минуту Виктор Владимирович Топов обернулся к окну, он поперхнулся бы собственным искренним смехом.

Прямо на балкон ресторана опустилась метла с восседавшей на ней весьма упитанной беловолосой Снегурочкой в голубом пуховике с белой опушкой.

Снегурочка энергично махала Кате рукой, вызывая ее на разговор и тыкая пальцем в сторону соседнего зала, мол, выйди на минуточку.

Ясно, секретарь Женя сдал ее местонахождение – впрочем, Дображанская сама распорядилась всегда состыковывать ее с Дашей и Машей в любое неудобное время ночи и дня.

И отмахиваться от Даши Чуб, не без причин носившей кличку-титул Землепотрясная, было бессмысленно. Не пойдешь ей навстречу – она пойдет на abordаж.

– Я ненадолго, – сказала Катерина Михайловна.

* * *

Старшая из Киевиц вышла в заставленный пухлыми лиловыми диванами холл, подошла к стеклянным дверям на

балкон с летней террасой и обнаружила там Дашу Чуб с ее верной метлой в руках.

– Вау! Ты прямо в том самом платье? – странновато поприветствовала ее Землетрясная Даша.

– Сумасшедшая, – недобро констатировала Катя. – Летать в открытую?

– Так ведь зима. Логично, что по небу снегурочки летают. Пусть люди верят в чудо, тебе что, жалко вообще?

Катя качнула головой. Открывать правду людям-слепым, было одним из Великих запретов. Лишь Даша, по негласному общему согласию, могла творить, что угодно и ляпать языком, что попало – ее все равно никто никогда не принимал всерьез до конца. Дивный талант. Или проклятие. Но так уж есть.

– Что-то срочное?

– Я вообще-то с дежурства...

– Я не дежурю сегодня.

– Только Киев так не считает. Небо загорелось. И знаешь, кого я увидела на небе? Тебя!

– Меня?

– Тебя и того хрыча, у которого ты антиквариат покупаешь. И ты была в этом самом очумительном платье. А он в пижаме стоял. Видимо, ты была у него дома...

– Я никогда не была у него дома. Но хорошо, завтра утром съезжу.

– Нет, Катя, сегодня, – на щекастом лице Даши Чуб отра-

зилось искреннее сочувствие. – Ты не въехала? В видении ты была в этом платье. Прости... И еще там был огромный сундук. Прямо сундук мертвеца. Похоже, твой хрыч прячет в нем что-то опасное... или опасность грозит ему... Да ты ведь сама понимаешь, как все устроено, не первый раз замужем.

– Выйдешь тут с вами замуж, – проворчала Катерина Михайловна.

– А ты прямо-таки замуж собралась? – оживилась Чуб. – Я думала так, посекситься или почилиться.

– Где ты цепляешь все эти кошмарные слова?

– Кстати, землетрясый мужик! – Даша разучилась реагировать на Катины упреки. – Не упускай его! Скажи, пошла пудрить носик, а я тебя на метле живо туда и обратно...

– Не нужно. Мой антиквар живет тут – считай, за углом. И врать без необходимости я тоже не буду.

* * *

За время ее отсутствия Топов успел встать из-за стола и завести разговор с известным политиком – худосочным и невозможно ушастым. Политик тоже был в маске, демонстрируя миру свою незыблемую веру в ужасную эпидемию, охватившую Город.

И Катя мимолетно пожалела об упущенном шоу – возможности посмотреть, как ушастый будет есть в ресторане,

не теряя веры – не снимая маски с лица.

Она сделала Топову знак. Он пошел к ней через зал, все мужские лица разом повернулись в их сторону, все женские лица – демонстративно отвернулись. Спасибо, хоть никто не додумался включить ретро-музыку из серии «Ах, какая женщина!» или «Lady in Red», или еще что-нибудь столь же ужасное...

– Прошу извинить меня, – сказала Катерина, – но нам придется перенести наш ужин. Мне необходимо отлучиться. Это важно... и действительно срочно. Перенесем на пятницу?

– Это надолго?

– Примерно на час.

– Не проблема! – Топов явно не хотел ее отпускать – он не понимал, приравнивается ли перенос к завуалированному отказу или к классическому побегу Золушки в середине бала, и не хотел очередной раз остаться с одним башмаком в руках. – Я посижу там, в кальянной, мне как раз нужно сделать звонок, переговорить с одним человеком.

– Это может быть и час двадцать, – предупредила Дображанская.

– Хоть час двадцать. Хоть два часа. Не страшно.

– Тогда не буду терять время.

Катя направилась к выходу. Галантный гардеробщик накинул ей на плечи меховое манто.

Виктор Топов достал телефон.

– Я... – коротко сказал он. – Она сейчас выйдет.

Антиквару Катя позвонила уже из машины.

– Виктор Арнольдович, надеюсь, вы еще не спите?

– Не спал, даже не собирался пока в гости к Морфею, – бодро соврал тот, хотя голос был сонным. Антиквар славился своей любовью к здоровому образу жизни.

– Мне нужно срочно, очень срочно переговорить с вами. Я могу подъехать к вам домой? На одну минутку.

– Заинтриговали, голубушка. Что же это? Оценка, покупка, продажа?

– Оценка. Через четыре минуты я буду у вас.

– Но я в пижаме, – спохватился он.

«Я знаю», – чуть было не ответила Катя.

– Не страшно. Мы ведь свои.

Дома у своего антиквара Дображанская и действительно оказалась впервые. Она хорошо знала сам нарядный царский дом, где проживал Виктор Арнольдович Бам, но захаживать в гости к нему не было повода.

В отличие от спрятанного в задней части его антикварного салона «Модерн» небольшого, заполненного шкафами, каталогами, старыми книгами и старинными вещами кабинета Арнольдовича, – квартира не слишком понравилась Катерине Михайловне.

Чересчур сверкающий паркет, до блеска натертый старо-

режимной мастикой, слишком много свободного места и ампирной мебели из карельской березы – мебели неживой, музейной. Катя могла бы поспорить, что большая часть ящиков и отсеков совершенно пусты. И Арнольдович устроил тут, дома, демонстрационный зал для своих богатых гостей, дабы, придя к нему, они могли ткнуть пальцем и сказать: «О, хочу такой же комод!» И получить его без промедления – и без необходимости опустошать ящички бюро и шкафов от личных мелочей.

Антиквар встретил Катю в парадном халате – длинном, черном, парчовом, расшитом золотыми узорами. Но за последние пару месяцев Арнольдович изрядно прибавил в весе – халат с трудом сходился на нем, и из-под парчи выглядывала обещанная Дашей полосатая шелковая пижама.

– Что вы думаете об этой вещице? – сказала Катя, снимая с пальца единственное имевшееся при ней украшение – кольцо с одолень-травой, изготовленное специально по ее заказу на Крещатике в XIX веке в знаменитейшей ювелирной мастерской Маршака.

Вот и проверим заодно, не утратил ли ты, сноровку!

– Хм... интересно, интересно... и даже очень... – антиквар замолчал, склонившись над украшением.

Катя быстро огляделась.

«Сундук мертвеца» она увидела сразу, он буквально бросался в глаза – слишком уж не соответствовал окружающей музейной обстановке. Простоватый, обтрепанный, с метал-

лическими проржавевшими углами.

На правах «мы ведь свои» Катя подошла к сундуку, без спросу открыла его, с любопытством заглянула вовнутрь и испытала приступ разочарования – там лежали ржавые гвозди, угольные утюги, медная ступка, потрепанная жизнью перцемолка и старый медный таз.

«...твой хрыч прячет в нем что-то опасное... или опасность грозит ему...»

«Может, бизнес Арнольдовича скоро накроется медным тазом? – сострила Катя. – Точно накроется, если он станет продавать клиентам подобный металлолом».

– Что это у вас за рухлядь? – брезгливо изумилась она.

– И не говорите. До чего низко я пал!.. – самоиронично улыбнулся Арнольдович. – Есть у меня один клиент, высокопоставленный, а любит вот такое старье. Для него и скупаю. Завтра должен заехать, забрать.

Завтра. Катя отметила, что Даша Чуб не ошиблась, ехать к Арнольдовичу следовало немедленно. Понять бы еще, за каким медным тазом она приперлась сюда?

– И за сколько вы отдаете все это барахло? Оно же копейки стоит.

– Вы бизнесмен, Катерина Михайловна, знаете сами, копейка рубль бережет. Да и сам клиент – не копеечный. Я не в убытке. Сегодня он у меня этот «непотреб» купит, а завтра я ему прялку расписную продам за две-три тысячи не-гривен.

Катя еще раз недоуменно поворошила сомнительные со-

кровища сундука, пытаюсь понять, что могло здесь привлечь Великий Город – таз, старая терка, четыре ключа, ржавый фонарь «летучая мышь» и древний амбарный замок. Все это полудрагоценное добро в изобилии продавалось на Андреевском спуске.

– Вещь очень своеобразная, – Арнольдovich закончил осмотр кольца с одолень-травой. – Здесь нет клейма, но я готов поклясться, что это рука Йосифа Маршака, первого киевского ювелира серебряного века! Возможно, клеймо не поставили по просьбе заказчика... Но в чем причина подобной просьбы? Прелюбопытно!

«Просто любое клеймо может нарушить магию – заклятия ритуалы, амулеты не терпят лишних слов, даже если это и имя великого мастера», – мысленно ответила ему Катерина.

Она была довольна. Приятно осознавать, что Виктор Арнольдovich Бам стоит всех денег, которые успели перекочевать из кармана Дображанской в его антикварный салон «Модерн».

– Вы можете оставить мне эту вещицу на время? – спросил он. – Я постараюсь узнать больше.

– Увы, но нет... Послушайте, – она взяла в руки медную ступку, недоуменно осмотрела ее со всех сторон – может хоть на ней обнаружатся интересные клейма? – Я, пожалуй, куплю у вас этот сундук. – Она тоскливо окинула взглядом набор бесполезных вещей. – У меня кузина недавно построила дачу, хочет оформить в народном стиле, просила помочь

ей насобирать вот такого фуфла. Еще месяц назад попросила, а я и забыла. А тут вот вспомнила.

– Простите, голубушка, но клиент будет завтра с утра, у нас уж все договорено и отменить невозможно. Сами понимаете, что он мне скажет, когда узнает, что перед приходом я отдал кому-то другому его сундучок. Как минимум – укажет на дверь. То есть не укажет, но откажет в доверии.

– Вот как? – Катя мысленно возблагодарила Бога за то, что она красивая женщина и не обязана обременять диалог наличием логики. Иногда это очень облегчает жизнь. – Значит, мое доверие вас не волнует?

– Катерина Михайловна, о чем вы?! – замахал руками Витольдович. – Да я за неделю подберу вашей кухне такой же сундук. И даже не за неделю, за день-два... За сутки, хотите?

– Нет, я хочу именно этот! – Катя взглянула на золоченые часы с колоннами в стиле ампир («Топов ждет уже 40 минут, нужно спешить») и взяла антиквара за подбородок.

– Ну, если вам так приглянулась какая-то конкретная вещь, возьмите ее. Просто в подарок, – пролепетал Бам.

«Твои бы слова, да Киеву в уши», – подумала Катя. Кабы она знала, какая вещь ей «так приглянулась», это бы сходу решило полдела.

– Нет, я хочу купить все! – Катя полностью исключила из тона капризно-женские нотки. – Сколько он стоит? – Дображанская легко могла принудить антиквара одним движением пальца с кольцом оделень-травы, но она дорожила отно-

шениями с Виктором Арнольдовичем и не хотела быть виновницей его неприятностей. Во всяком случае, делать это бесплатно.

– Сам сундук-то стоит гроши... – тоскливо протянул антиквар.

– Я говорю не о нем. Сколько стоит ваш клиент? Сколько вы намеревались получить с него в настоящем и будущем? Я заплачу вам всю эту сумму. Я покупаю его у вас. Столько вам хватит? – она подошла к нарядному ампирическому столику с еще более нарядным бронзовым письменным прибором из девяти предметов и быстро написала на бумажке число с хвостом из нулей.

Ее щедрость была убийственной – Виктор Арнольдович округлил глаза, сглотнул, вскинул брови и позабыл опустить.

– Извольте, моя драгоценнейшая, он ваш, – ошарашенно показал он на сундук. – Я уже перестал удивляться вам, Катерина Михайловна.

– Это правильно. Да и чему? Просто у меня плохой характер. А деньги, власть и подавно делают людей совершенно невыносимыми.

Арнольдович вздохнул: ах, если бы все было так просто!

– Сундук доставят вам завтра. Куда прикажете?

– Нет. Я хочу забрать его прямо сейчас.

– Но он неподъемный. Утюги, ступки – невероятно тяжелые!

– Значит, мы перенесем их в мою машину частями. Сей-

час позову водителя.

Кажется, это заявление, в комплекте с Катиной внезапной, непреодолимой, немедленной потребностью в старых ржавых утюгах и гвоздях, поразило Виктора Арнольдовича даже больше, чем предыдущий инцидент.

Настоять на своем, получить любой ценой, – это входило в число известных ему Катиных черт. А вот в нелегитимной любви к проржавевшим гвоздям Дображанская уличена никогда не была.

Тем не менее, спорить антиквар не стал. Вздохнул и, не сказав ничего, вынул из сундука четыре самых тяжелых предмета, – таз, ступку и два утюга, с хищными зубчатыми ртами.

– Сейчас принесу для них отдельные сумки. – Ставший слишком узким халат мешал ему, и с беззвучным бурчанием Арнольдович снял парадно-домашнюю одежду, с видом обреченного грузчика нагнулся к утюгам.

Катя попыталась приподнять заметно полегчавший сундук.

– Что вы делаете? Не подымайте тяжести, вы надорветесь! – воскликнул Виктор Арнольдович.

Он оказался прав, сундук все еще был тяжелым, и Катя с грохотом поставила – скорей даже уронила его обратно на пол.

И вскрикнула!.. Паркетный пол под антикваром и Катей резко качнулся, как палуба корабля, угодившего в шторм. На

потолке жалобно звякнула хрустальными подвесками люстра, хлопнул стеклянной дверцею шкаф. Все девять предметов подпрыгнули на столе, испуганно замолчали и встали ампирные часы, а из ближайшего комода со скрипом выдвинулся нижний ящик, сделав его похожим на человека с удивленно отвалившейся нижней челюстью.

Не удержав равновесия, Катя почувствовала, что летит на диван. Нелепо размахивая руками, Виктор Арнольдович Бам упал прямо на Катю, – ткань ее алого платья поползла вниз, обнажая грудь.

В ту же секунду произошло еще одно событие – на крыше противоположного дома быстро защелкал затвором фотоаппарат. А в следующую секунду испуганная люстра зазвенела всем телом, и в комнате погас электрический свет.

* * *

– За кого ты меня принимаешь?

Виктора Топова точно подменили. Он «тыкал» Катерине Михайловне, хоть они точно не успели дойти до стадии «брудершафт». Он был зол и опасен как разъяренное, готовое к атаке большое животное – зубр или носорог.

Он говорил нарочито спокойно, но каждое слово его падало как неподъемная бетонная плита:

– И за кого ты принимаешь себя?

– Я уложилась в обещанный час, – не поняла причин его

гнева Катерина. – В час пятнадцать...

– Это что, игра такая? Сначала ты заводишь меня... потом едешь и трахаешь старого уroda! Потом возвращаешься... Я похож на какого-то мальчика для игр?

– Не понимаю вас, – свела брови Катя.

– Объяснить? – тяжело спросил он.

– Сделайте одолжение, – холод Катиных слов мог охладить даже лесной пожар, но внутри Топова кипел брызжущий лавой Везувий.

– Прокомментируешь это?

Он показал ей экран своего смартфона, вместившего на редкость пошлое фото. Раскинув руки и ноги, Катя лежала на диване, вцепившийся в ее плечи Витольдович уже стянул с нее платье, его лицо утыкалось в Катину обнаженную грудь, штаны его полосатой пижамы сползли с ягодниц.

Пожалуй, Виктора Топова можно понять, – сделать из увиденного какой-то иной вывод было попросту невозможно.

– Это последнее, что успел снять фотограф, потом вы выключили свет. Час пятнадцать. Тебе хватило?

И Катя могла бы посмеяться над этой комической сценой.

Могла простить Топову ложный вывод, злость, праведный гнев.

Могла (с некоторой натяжкой) простить даже хамский тон...

Все могла – кроме одного.

– Ты следил за мной, – огласила она приговор.

– И, как видишь, не зря! – парировал он. – Ты странная... слишком. И слишком нравилась мне. Заинтриговала. Но ты точно не Золушка. Ты – извращенка! Бросить меня, чтобы сбежать и переспать с этим... С мерзким стариком! – его лицо исказилось презрением. – И как ни в чем не бывало вернуться сюда... Не думай, что тебе сойдет это с рук. Что ты молчишь?

Катя вздохнула:

– Думаю, как раз с рук это мне и сойдет.

Ее рука, утяжеленная кольцом с одолень-травой, подавляющей волю, легко коснулась его лба:

– Забудь! – прошептала Катя одними губами.

Лицо Топова замерло, как остановленный кадр кинофильма, застывшая злоба медленно стекала с лица. Катя взяла из его податливых рук телефон, отыскала в почте адрес фотографа, приславшего пикантное фото, написала ответ «Забудь все» и удалила ненужные данные.

Святая Варвара не сотворила обещанного чуда.

Виктор Топов не стал исключением – по сотне разных причин все ее попытки сходить на свидание заканчивались одним кратким заклятием «Забудь!» Большинство кавалеров забыли даже о том, что она давала им шанс.

Но здесь, в ресторане, их видело слишком много людей, и с Топовым Катерине пришлось попрощаться лично.

Пару секунд, сложив пальцы в замок, положив на него

подбородок, она с грустью смотрела на светловолосого витязя, не сумевшего завоевать сердце несчастной Несмеяны.

– Жаль, – произнесла она вполголоса. – Ты мне тоже понравился. – Затем быстро коснулась его руки. – К сожалению, я не могу ответить вам взаимностью, – церемонно сказала она.

Его лицо ожило, выражение изменилось – стало таким же, как в начале вечера – дружелюбным, открытым, ожидающим чуда.

– Я весь вечер боялся, что вы скажите мне именно это!

– А я весь вечер боялась, что мне придется вам это сказать.

– Почему же тогда?... Я не понимаю. Что я сделал не так?

– Увы... Это невозможно объяснить, – сказала Катерина Михайловна Дображанская.

Есть вещи, которые нельзя объяснить большинству нормальных людей – да чего уж там, никому из нормальных людей!

Потому она обречена на одиночество?

Или на лысого черта...

* * *

Башня, в которой уже не первое столетие собирались хранительницы Города, всегда неуловимо подстраивалась под настроение Трех Киевиц.

Становилась то тревожно-холодной, то уютно-радостно теплой.

И огонь в черном мраморном камине словно регулировал градус – в зависимости от жара их споров. И книжные полки, кольцом обнимавшие стены круглой комнаты в Башни Киевиц казались то давящими церберами, то мудрыми советчи-ками.

А над камином висел «измеритель» иного настроения – внешнего – византийская фреска X века с изображением самой первой Киевицы Великой Марины.

В руках у женщины с чересчур близко поставленными синими глазами, царствовавшей над Киевом еще во времена древней Руси, были Весы, призванные сигнализировать ее последовательницам о положении дел в доверенном граде. В обычное время Весы первой Киевицы успешно воплощали классический символ равновесия – с двумя одинаковыми симметричными чашами.

Нынче же Весы чуть-чуть накренились... вроде бы?

То ли да, то ли нет, – сколько ни щурься, а до конца не поймешь.

И настроение у Киевиц было соответствующее – все Трое пребывали в легкой непонятке. Так случилась беда или все-таки нет?

А Даша Чуб – и в непонятке иного рода:

– Не понимаю, чего вообще ты так паришься, если можешь в любую минуту сказать мужику «Все забудь»? Начала

бы свидание типа сначала – с чистого листа. Он же все равно ничего не помнил уже!

– Я бы помнила, – прохладно произнесла Катерина, – я уже знаю, он мне не подходит. Он ревнивый, вспыльчивый, собственник и не брезгует средствами, вроде слежки... Ты хоть представляешь, что он увидит, если начнет за мной каждый вечер следить?

– Ну и че? Проблем-то! Просто говори ему «Забудь!» каждый вечер. И можешь смело выходить за него. Мужик-то хорош. Я бы такого хорошенько попользовала.

Катя слегка пожала плечами и повернулась к огню. В камине вытанцовывало пламя. На каминной полке молча жмурилась белая кошка Беладонна. Второй представитель местной фауны, черный кот Бегемот, предпочел изразцовую печь на кухне.

Чуб с любопытством раскладывала на ковре непонятные приобретения Дображанской – зубастый утюг, медный таз, терку и голубую облезлую перцемолку. А Дашина любимица, рыжая кошка Изида Пуфик, старательно обнюхивала каждый предмет.

– Апчхи, – громко чихнула рыжая, осматривая перцемолку.

– Вот видишь, – правда! – огласила Даша. – Нельзя такими мужиками разбрасываться.

– Это – не правда. Это – черный перец. Его там недавно мололи.

– Апчхи, – подтвердила правдивость Катиных слов Изида Пуфик. – Merde, – прибавила свое любимое французское ругательство она.

– Ну, что у тебя? – обратилась Катя к Маше Ковалевой, листавшей толстую Книгу Киевиц.

– К сожалению, ничего определенного. Получается, все это, включая и черный перец, достаточно часто используют в магии.

Маша отложила книгу и подошла к разложенным на ковре предметам, перечислила:

– Кофемолки, ступки, терки, тазы – используют для приготовления зелий и снадобий. Гвозди, большие и маленькие, часто используют в заговорах, особенно не очень хороших – на болезнь, разлуку и смерть. Фонари зажигают во время ритуалов. Ключи и замки – тоже магические ингредиенты. Чаще всего их используют для любовных приворотов. Что же касается утюгов...

– Утюги нас не касаются, – отсекала часть «подозреваемых» Катя. – Перед тем, как я уронила сундук, Виктор Арнольдович выложил из нее утюги, ступку и таз. Остались перцемолка, терка, гвозди, фонарь, замок и ключи. Что-то из них, ударившись об пол, и спровоцировало непонятный толчок.

Даша Чуб быстро отделила пять оправданных и невиновных предметов от подозреваемых и задумчиво почесала нос, разглядывая возможных виновников.

Рыжая кошка с силой ударила лапой по ржавому гвоздю – тот отлетел, ударился о спинку дивана, и... ничего не случилось.

– Mille voies conduisent en erreur, mais seul induit à vérité⁴, – провозгласила кошка.

– Умница, Пуфик! – Даша схватила оставшиеся четыре гвоздя, поочередно стукнула ими об пол, отложила. Вслед за гвоздями «стукнутыми» стали и прочие подсудимые. – Видите, – огласила Чуб. – Если бы что-то из этого было вроде лампы Аладдина, джин бы выскакивал каждый раз, когда трешь. Каждый раз, когда бьешь ими об пол, – случилось бы землетрясение! Значит, дело не в ударе. Дело в том, что от удара в них что-то изменилось!

– Здравая мысль, – похвалила Катя. – Гвозди измениться никак не могли. Они слишком толстые, чтобы согнуться при падении. Терка вроде тоже осталась такой, как была.

– Фонарь не разбился, – подхватила Даша. – И не разлился. Керосина в нем нет. Четыре ключа тоже целы. А вот у перцемолки могла прокрутиться ручка.

– И еще есть замок, – Маша взяла массивный, тяжелый, насквозь проржавевший амбарный замок с ключом в сердечнике и приподняла дужку. – На вид ему не меньше ста лет. Может и больше... Катя, ты не помнишь, он был открытым?

– Не помню.

⁴ Mille voies conduisent en erreur, mais seul induit à vérité (*фр*). – Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине – только один.

– Итак, возможных преступников осталось всего двое, – возликовала Даша. – Замок и перцемолка! Заметьте, с черным перцем, который часто используется в зельях, отварах, саше.

– И еще чаще в кулинарии, – сказала Маша.

Катя кивнула, достала смартфон и призвала знакомый номер.

– Виктор Арнольдович, я по поводу моей покупки. Простите, не знала, что уже час ночи... Нет, не передумала покупать. Но вы не могли бы припомнить, как к вам попали замок и перцемолка? Угу... – Катя с любопытством выслушала короткий рассказ и грозно наказала: – Тогда уж будьте любезны, драгоценнейший мой, сдержать обещание! Перцемолку, – пояснила она, отложив телефон, – Витольдович забрал у соседки – бедной старушки. Пообещал ей 10 %. С учетом той суммы, которую я заплатила ему, на эти проценты бабуля не будет бедствовать до самой смерти.

– Ты уж проследи! – прониклась историей Даша.

– Уж прослежу, – пообещала Катерина Михайловна. – С замком дело обстоит несколько хуже. Он куплен помощницей Арнольдовича буквально вчера на блошином рынке. Купила у левого алкаша вместе с ключом. Ключ был в замке, он не проворачивался, заржавел. И замок был закрыт.

– А теперь он открылся! – воскликнула Даша. – Ключ повернулся от удара, и что-то случилось...

– Ты разрушила какие-то чары. Очень древние чары! – с

тревогой сказала Маша, разглядывая замок.

Большой, старый, с застывшим в сердечнике длинным ключом, он походил на сердце, пронзенное стрелой. Маша осторожно дотронулась до головки ключа, но побоялась еще раз проверить его.

– Возможно, это любовные чары! – встрепенулась Даша. – Ты говорила, замки используют для приворотов. И кто кого любил, кто кого разлюбил и почему от этой любви аж содрогнулась земля... мы скоро узнаем!

18 декабря

Чары любви решили взять Катю штурмом прямо с утра.

Еще поднимаясь в лифте в свой офис на верхнем этаже гостиницы «Андреевская», Катерина почувствовала тревожный запах незапланированных изменений. А, ступив в приемную, не узнала ее – она походила на душную оранжерею.

Все пространство было заставлено громоздкими букетами роз – красными, белыми, розовыми, черно-бордовыми. Не было только желтых – цвета разлуки.

– Прислали от Виктора Топова, – поднялся со стула ее взволнованный секретарь Женя. Он был возбужден, как во время просмотра нового артхаусного фильма с безумным и непредсказуемым финалом.

– Я догадалась, – сухо сказала Катя. – Тоже мне, оригинал. – Она чувствовала себя героиней дешевой мелодрамы. –

Немедленно уберите все. Отвезите на Байковое кладбище. На могилу Леонида Быкова, Ступки, Заньковецкой... Я дам вам список.

– Но Катерина Михайловна!.. – расстроено вскрикнул Женя.

Краем глаза Катя заметила, что на экране его монитора открыта статья «Виктор Топов – богатый холостяк». И не сомневалась: Женя уже успел выяснить точный размер состояния Топова, его знак Зодиака, количество детей от прошлых браков, излюбленный цвет его галстуков и носков, а заодно и стоимость аренды Мариинского дворца на случай Катиной свадьбы.

– На кладбище! – непререкаемо наказала Катерина Михайловна и прошла в кабинет.

Там было столь же тесно от цветов и сладких запахов. Катин письменный стол оккупировали, зажали в тиски громадные корзины и вазы с цветами.

Но на столе лежала всего одна роза с привязанным к ней письмом!

Дайте мне еще один шанс!

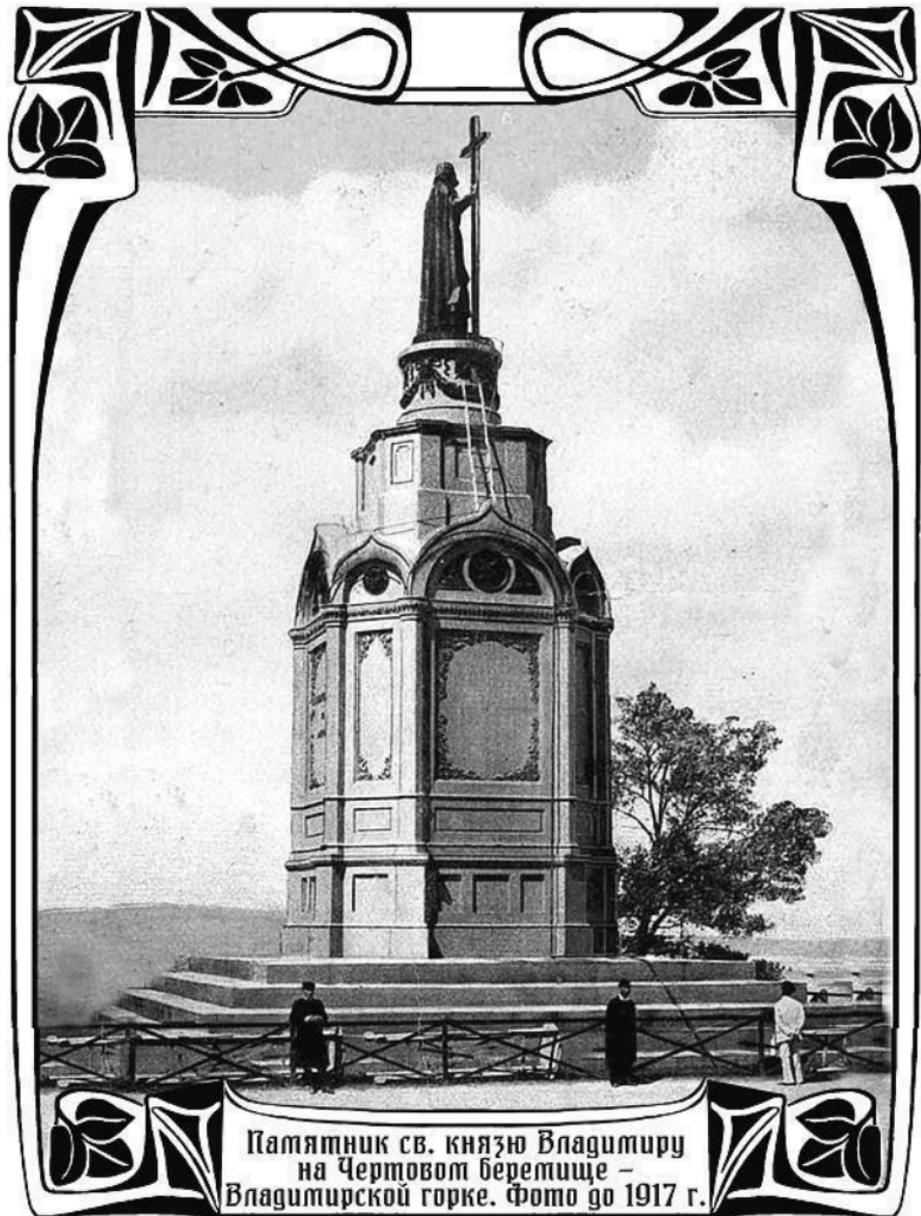
Хоть бы ради святой Варвары.

Хм, а вот это и воистину странно.

Ведь имя Варвары он тоже должен был позабыть!

Михайловский монастырь, 1870-е гг

...посадил иноков на горе, в свое имя и церковь святого архистратига Михаила построил, по той причине, что святой архистратиг Михаил черта с неба сверг, и здесь он помог черта в идоле сбросить. Феодосий Сафонович «Хроника з летописцев стародавних»

Памятник св. князю Владимиру
на Чертовом берегу —
Владивостокской горе. Фото до 1917 г.

Со стороны, высившийся на краю горы, почти прямо над кручей Злато-Михайловский монастырь походил на неприступную крепость, особенно с тех пор как в XVIII, аккурат перед последней страшной чумой, его обнесли высоким белым забором.

Но было в этом заборе одно тайно место, скрытое от всех за спиной келий и трапезной, где в сумерки, зная несколько заветных щербинок, можно было забраться на кирпичную преграду, сидеть там, лузгать семки, купленные на толкучке у входа, и смотреть без конца на разливы Днепра и падающий вниз обрыв под святой обителью...

И одиноко стоящую внизу на постаменте фигуру князя Владимира с семиаршинным крестом, на которого не только старец Пафнутий, но и все старожилы монастыря и двадцать лет спустя по-прежнему косились как на навязанное им проклятое идолище.

И говорить здесь Алексею и Федору можно было о всяком, уже не таясь.

И о том, что всего двадцать лет назад памятник этот вызвал нешуточный скандал, с тех самых пор, как покойный митрополит Филарет отказался освящать его и нарек новым языческим идолом.

«...теперь мы прокляты, прокляты», – все двадцать лет повторял старец Пафнутий.

И о том, что языческий идол Перун и впрямь стоял неко-

гда тут, в этом месте, именуемом Чертовым беремищем, о чем писал и блаженный игумен Михайловского монастыря иеромонах Феодосий Сафонович, как бы намекая: все, что находится за монастырским забором – обитель чертей и бесов. (И не зря, видно, судачили в Киеве, будто некогда тут, на Чертовом беремище, собирались все киевские ведьмы).

И о том, что когда-то эта чертова гора принадлежала монастырю.

До секуляризации 1786 года Михайловский был отдельным княжеством – маленьким царством. И старожилы любили вспоминать, что владели не только монастырской Михайловской горой – их монастырю принадлежало пол-Киева: и Крещатик, и половина Печерска, и часть Клова, и все земли от Львовских ворот до Шулявщины.

Теперь же монастырь зависел лишь от помощи царской казны и подношений своих прихожан, посещавших Михайловский ради честных мощей святой девы Варвары

– Что с тобой происходит? Неужто ты впрямь собирался обетницу у Варвары украсть? Или дразнил меня? – спросил Алексей у Федора.

– Может, дразнил. А может, и собирался... Возьму вот и украду, – приятель смотрел на проплывавший по Днепру пароход с большим колесом. Раньше они часто вместе глядели вслед челнам и гадали, куда плывут все эти люди, но нынче спрашивать не было смысла – заранее известен ответ. Из Киева, прочь, прочь от смертоносного дыхания холеры.

Снизу, с Подола, летел похоронный благовест.

– Но зачем?

– А затем, что больно ты, Алеша, послушный, – сквозь зубы проговорил Федор.

– Я же послушник... не буду слушаться – так сразу ослушником стану, – пошутил Алексей.

– Ты в Варвару свою точно влюблен, – сказал Федор.

– Как мне не любить ее? Она меня от смерти спасла – исцелила! А завтра она всем-всем поможет.

Тут Федор почему-то спорить не стал. Спросил:

– Пойдешь с Петром завтра на похороны в Лавру?

– Кто же мне во время холеры такое послушание даст?

– Неужели твой дядька не верит в защиту святой девы Варвары? – поддел Федор. – Знаешь, чего он к тебе, христовенькому, мальчонку привел? Ты один тут так красиво сказки рассказываешь. Ты один во все это ТАК веришь... ты, и может, еще старец Пафнутий, но он уже одной ногой в могиле.

– Ты тоже веришь, несмотря на дерзновение свое... хоть и не признаешься, – возразил Алексей.

Бывало, Федор не ограничивался полумерами, и не только залезал на монастырскую ограду, но и слезал с другой стороны, – лез прямо в бесовское чрево Владимирской горки – и шел гулять по Городу. Рассказывал он, как любит ходить по улицам и заглядывать в окна, смотреть, как люди живут, как ненавидят и любят друг друга. Особенно беспокойным

приятель становился, когда весна вступала в свои права, и за монастырскими стенами пенились белым цветом деревья, а днепровские дали зазывали его в неизвестность, и гудки проплывающих мимо пароходов заставляли мечтать о путешествиях, приключениях, других городах.

Но с тех пор, как холера стала стучаться в дома, Федор утратил интерес к ночным экспедициям.

Смерть зачастила в Святой Город.

Чума выкосила Киев в 1710-м, и в 1770-м. Холера, индийская болезнь, явилась в 1830-х и с тех самых пор приходила в Киев-град, как к себе домой.

И обе моровицы не щадили никого – ни стариков, ни детей, ни мужчин, ни женщин, ни грешников, ни святых... никого, кроме монахов Михайловского!

Умирали от морового поветрия праведные лаврские старцы, уходили в иной мир насельники Николаевской пустыни, отлетали к богу невесомые души христовых невест во Флоровском женском, и соседний Софийский монастырь, бывало, терял половину своей братии... Лишь за белые стены Злато-Михайловского не смели входить три старухи: Чума, Холера и Смерть. Хоть монастырь не запирали во время мора свои ворота от жаждущих получить спасение и помощь от святой великомученицы киевской, святой девы Варвары, исцеляющей все болезни.

И каждый раз, когда обносили вокруг его стен мощи святой Варвары, и холера, и чума шли на убыль.

И завтра это сделают снова, и губительная моровица уйдет, и всем, всем в страждущем Киев-граде станет легче.

– Ты тоже веришь, не смотря на дерзновение свое, – повторил Алексей. – Не верил бы – не уповал бы на помощь Варвары, не сидел бы сейчас в обители.

– Вот как ты думаешь? – Федор дерзко задрал подбородок. Его красивое черноебровое лицо исказила презрительная гримаса. – Тогда я пошел.

– Куда ты?

– А куда захочу... Хоть за головой святого Владимира. Может, я хочу получить власть над всем миром? Слышал ведь, тот, кто получит ее – получит и власть!

Одним прыжком непослушный послушник Федор спрыгнул с забора и исчез в черной чертовой пасти беремища.

А спустя минуту Алексей снова услышал смех.

**Глава третья,
в которой много
замков и мало ключей**

*Подымутся беси, молитву читай.
Федор Достоевский «Братья Карамазовы»*

Памятник князю Владимиру.
Владимирская горка.
Наши дни.

18 декабря

– Ау, есть кто-нибудь?

Даша Чуб вбежала в прихожую Башни Киевиц, стаскивая на ходу голубую куртку. Полягала в воздухе сначала правой, затем левой ногой, сбрасывая сапоги.

Рыжая кошка Изиди Пуфик бросилась к ней с громогласным восторженным мурчанием. Но представителей рода человеческого в круглой комнате не обнаружилось.

Зато в полуденной темноте зимнего дня ее внимание сразу привлек необычный предмет – большая старинная банка, внутри которой то и дело вспыхивал свет, будто там был заточен фонарик или маленькая молния.

Даша подошла к ней, осторожно дотронулась до странной банки с огнем – ее стекло было холодным. «Разрыв трава. Купала-999» – прочла она надпись на этикетке, сделанную аккуратным почерком прошлой Киевицы Кылыны. Интересно... ее можно открыть?

Даша заглянула под крышку баночки с молнией, понюхала. Запах разошелся по комнате, как маленький фейерверк, и показался Даше приятным. От разрыв-травы, собранной на далеком купальском шабаше 1999 года, до сих пор шло тепло, как от лучей солнечного света.

Чуб пристроила крышку обратно, поставила банку на стол. Чихнула. Запах разрыв-травы хозяйничал в ее ноздрях.

На столе рядом с банкой возлежала громоздкая Книга Киевиц, а все пространство вокруг нее заполнили крохотные белые листочки с выписками, сделанными почерком уже другой Киевицы – Маши Ковалевой.

Все ясно! Со свойственной ей старательностью студентка-историчка проштудировала Книгу и выписала все ритуалы, в которых принимал участие заговоренный замо́к.

Землепотрясная взяла несколько первых попавшихся стикеров, прочла:

Присуха № 64.

«Купить замо́к, не торгуясь. В ожидании человека, которого нужно привлечь, замо́к положить открытым на пороге, через который должен перешагнуть любимый. Ключ держать при себе. Как только нужный тебе человек перешагнет через него, запереть замо́к, приговаривая:

Как замо́к теперь никто не откроет, так и нас с тобой никто не разъединит».

Отсуха. № 24.

*...Использовать разрыв – траву вместе с заговором:
«Разбиваю замо́к, разрываю зарок. Разрыв – трава, разрыв – слова, все замки разбиваю, на волю всех выпускаю!»*

Даша снова чихнула и раздраженно потерла нос. Запах не уходил. И, невесть почему, она подумала о Маше и Мире. Она ведь давно собиралась поговорить...

Вечер был синим, того незамутненного чистого синего цвета, который делал Город Киев почти ирреальным: синее небо, темно-синие деревья Мариинского парка, синие холмы и синие дома на Грушевского.

Вечер был днем – как ни странно, Маша любила это унылое время перед зимним солнцестоянием, когда темнеть начинает еще в середине дня.

Иллюзорное время, чертово время – в древности люди верили, что эта самая тьма и плодит демонов, бесов, чертей.

Маша стояла на мосту Влюбленных совершенно одна. Ветер с Днепра бил ей в спину – невидимые наконечники его острых стрел вонзались в синюю куртку с остроконечным монашеским капюшоном.

Было холодно и неудобно, как и бывает в декабре, когда листья давно опали, холод пришел, а снег еще не выпал.

Было одиноко – хоть, казалось бы, чего ей грустить на Мосту Влюбленных? У нее есть любимый человек... Ну, пусть не человек – привидение. Не такая уж странная пара для Киевицы – хранительницы Вечного Города.

Маша прошлась по мосту, разглядывая висящие на перилах бесчисленные замки всех сортов: и розовые, украшенные блестящими стразами; и красные в форме сердец; и древние амбарные, похожие на замок, найденный Катей в «сунду-

ке мертвеца». На замках были надписи и бесчисленные простейшие уравнения «Оля+Витя», и даже рисунки в виде схематичных мальчика с девочкой, держащихся за руки.

Замки заманили ее сюда – полдня она штудировала толстенную Книгу Киевиц, но так и не смогла разгадать тайну ржавого замка и чьих-то любовных чар. Потому и пошла на киевский мост Влюбленных.

Имя, противоречивое как сама любовь, этот романтический ажурный мостик стрелой получил не зря.

Большинство киевлян знали это место как мост Влюбленных или Поцелуйный мост. Здесь назначали свидания, здесь часто делали предложения руки и сердца, и сюда же влюбленные приходили, чтобы повесить на перила замок, который якобы должен навечно скрепить их взаимные чувства.

Хоть почему якобы? Книга Киевиц предоставляла десятки свидетельств: запирать за мужчиной замок – один их самых известных любовных приворотов. Оставалось лишь гадать, почему столько представителей сильного пола в здравом уме и трезвой памяти (хоть, может, и нет?) сами соглашались пройти здесь подобный колдовской ритуал.

Особенно, если учесть иные – страшные названия моста.

Маша достала из кармана льняной мешочек-саше с разрыв-травой, отпирающей все замки и засовы, прошептала заговор.

И сразу услышала десятки щелчков, словно мост Влюбленных восхищенно зацокал языком, преклоняясь пред си-

лой Киевицы – все замки разом открылись, закачались на ветру. И, испугавшись, что при падении вниз, на асфальт Петровской аллеи – металлические, большие и малые, замочки пробьют крыши проезжающих машин или головы проходящих мимо людей, Маша поспешно прочитала обратное заклинание. Проверила на прочность ближайший замок, успокоилась...

И опять загрустила. И снова попыталась дать имя нахлынувшей грусти.

Он появился в ранних и синих сумерках – или из них?

Словно синие зимние сумерки у нее на глазах обрели очертания человеческой фигуры – столь же темной, столь же неверной. Иллюзорной.

Высокая темная фигура Мира Красавицкого проявилась рядом с еще не загоревшимся фонарем, у начала моста.

Он двинулся к ней...

Она обрадовалась, улыбнулась ему.

– Привет. О чем грустишь? – спросил Мир.

– Без причины.

– Ты забыла, что я могу считать твои чувства? – его голос показался ей непривычным и странным. – Ты стоишь тут, на мосту Влюбленных, и думаешь, что мы с тобой тоже могли бы пожениться, стать семьей, жить вместе. И ты бы чистила нам картошку на ужин и заваривала чай из трав... если бы я только согласился стать человеком!

– Ты сейчас сказал это – не я, – заметила Маша. – Я даже

не думала ни о чем подобном. Может, лишь чувствовала, и не могла подобрать слова...

– Я подобрал их.

– Странно. Ты словно хочешь поссориться, – удивилась она. – Это совсем не похоже на тебя, Мирослав.

Он промолчал.

– Мы ведь все уже проговорили сто раз, – примирительно сказала она. – У меня есть сила, я могу воскресить тебя из мертвых, но ты не хочешь. Не хочешь быть живым человеком. Хочешь остаться призраком. Твое право! Мы закрыли вопрос. И мне неприятно, что ты пытаешься читать мои чувства... Эти чувства – мои!

– А кабы я был человеком – ты могла бы скрывать от меня свои чувства, – с неожиданной злостью сказал Мирослав. – Я был бы слабым и жалким. Это я сидел бы дома и чистил картошку, и ждал, когда ты вернешься с задания по очередному спасению Города и целого мира.

– Зачем ты завел сейчас этот нелепый разговор? – недоуменно спросила Маша. Этот спор о несовершенствах человеческой природы продолжался меж ними слишком давно, успел наскучить и им самим, и всем окружающим – и был официально признан тупиковым, бессмысленным. – Я ведь больше ни о чем не прошу.

– Но ты мечтаешь об этом. Знаешь, почему холод вызывает у тебя необъяснимую грусть? В глубине души ты мечтаешь о тепле – человеческом. О теплых носках, которые мне

не нужно вязать... я ведь не мерзну! О детях, которых от меня невозможно рожать. Но, подумай, зачем тебе моя человечность? Зачем тебе человек, которого можно убить, заворожить? Сейчас я бессмертен, неуязвим, непобедим. Я могу пройти в Прошлое, даже на ту глубину, куда не пройдешь ты. Могу быть с тобой зримо и незримо... могу помочь, спасти, уберечь.

Мир говорил чистую правду. Призрак, не был ограничен законами реального мира, его возможности казались безграничными. Он мог зайти в Прошлое дальше Киевиц и однажды побывал даже в будущем. Он почти не подчинялся колдовству – и пусть, его как бабочку мог поймать любой некромант, слабости есть у всех. Даже у Киевиц.

– Я знаю, Мир, ты столько раз спасал меня, помогал... – Маша прижала пальцы к вискам, пытаюсь понять, как ей не почувствовать все то, что она не хочет сказать.

– Хватит лжи... Я знаю, о чем ты думала, глядя на эти замки. О чем ты думала сегодня, выписывая заговоры Присухи с Отсухой. О чем ты подумала вчера, когда Катя сказала, что завидует нам... А ты ничего не сказала в ответ. Ты думала о любовных приворотях. Я не влюбился в тебя, однажды меня приворожили. И если я вновь стану человеком, приворот закончится, и эта любовь утратит силу.

– Или не утратит!

– Но ты никогда не сможешь это проверить. Никогда не узнаешь, была ли моя любовь неподдельной. Ты боишься,

вдруг после Отсухи я разлюблю тебя.

– Мне кажется, это ты боишься, – Маша засунула руки в карманы, ее пальцы коснулись мешочка с разрыв-травой.

И вздрогнули...

Разрыв-травы, открывающая любые двери, замки и преграды, разрывающая цепи и чары, в том числе приворотные!

Она прямо посмотрела на Мира, проверяя себя.

– Ты боишься разрыв-травы? – с ужасом проговорила она. – Все, что ты наговорил мне сейчас – реакция на Отсуху. Она действует на тебя как на кота валерьянка. Ты говоришь обидные вещи, ты злишься и наезжаешь на меня без причин, ты словно в истерике... Потому что ты сам боишься меня разлюбить? Или ты правда... Мир, ты и правда перестаешь любить меня, когда чувствуешь Отсуху?

Она резко выбросила вперед руку с разрыв-травой.

Мир исчез.

И сразу стало темно – словно слившись с сумерками, темный дух Мира Красавицкого окончательно превратил день в ночь.

И словно в ответ на тьму, на мосту зажглись фонари. Невысокая фигура Маши отбросила длинную-длинную тень, а затем тень ожила, выпрямилась, обрела вес и объем...

И перед Машей явился Киевский Демон.

Дух вечного Города, господин Киевицкий, стоящий по Левую руку от трона Киевиц, он не появлялся уже очень давно, и вряд ли его появление сулило нечто хорошее.

И, черт возьми, как некстати он появился сейчас, когда младшая из Трех Киевиц собралась заплакать, словно девчонка-старшеклассница, от осознания уязвимости своей Великой любви.

– Позвольте дать вам совет, уважаемая Мария Владимировна, – произнес Киевский Демон. – Никогда не разбирайтесь с любовями на мосту Влюбленных. Насколько я помню, сразу после своего появления в 1910-м этот милый мостик был прозван Чертовым мостом и мостом Самоубийц. Ну, а заодно и мостом Влюбленных, ибо одно никак не исключало другого. Отсюда традиционно прыгали вниз все местные самоубийцы, гимназисты, гимназистки, студентки и прочий молодой романтический люд, разочаровавшийся в этой самой любви. Кажется, рядом с мостом даже специально поставили городского, дабы тот удерживал влюбленных от необратимых поступков! Но безрезультатно. И, насколько я помню, лишь в вашем XXI столетии с моста слетело уже человек двадцать... – Демон задумчиво посмотрел на черный асфальт дороги под мостом, омытый кровью влюбленных. – Люди, слепые, воистину удивительные создания. Неужто именно о подобной убийственной любви и мечтают все те, кто приходит сюда вешать замки и выяснять отношения?

«Да еще и нижняя терраса под Мариинским парком издавна именовалось киевлянами Провальем... – подумала Маша. – И само название Провалье как бы намекало: все

лучшее, включая любовь, проваливается здесь в тартарары!»

Да уж, не стоило говорить с Миром тут. Но ведь она и не говорила, лишь принимала упреки. И осадок от разговора остался неприятный – липкий сгусток из чувства вины и без вины виноватости. И обреченности – будто тут, на мосту, годы их отношений и впрямь провалились в чертову бездну.

Зачем только Мир решил облечь ее грусть в такие ненужные слова? Грусть прошла бы... А слова останутся. Как и вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.